

Семиотика поведения и литературные стратегии

Лотмановские чтения – XXII

Москва
2017

*Екатерина Лямина
Наталья Самовер
Москва*

**Беспечен, как Лафонтен:
заработки, доходы и жизненные
стратегии И.А. Крылова**

Сначала говорили, что он оставил большой каменный дом и до 200 тысяч рублей денег. Но после оказалось, что у него не было ни того, ни другого, и в его квартире нашлось всего 400 рублей ассигнациями.

М.А. Корф¹

От трудов праведных не наживешь
палат каменных.

Пословица

Жизнеописание Крылова неизменно начинаются с констатации крайней бедности его семьи. Это утверждение служит отправной точкой для традиционных, сложившихся еще в середине XIX века представлений о баснописце как о гениально одаренном выходец из низов, причудливые извивы биографии которого объясняются спонтанными проявлениями особенностей его характера, а не стремлением к социальному благополучию². Между тем существенный интерес представляет иная постановка задачи: комплексный анализ жизненных стратегий, в разные периоды рационально избиравшихся Крыловым, – служебных, карьерных и, в особенности, «стратегий монетизации» его дарований с целью достижения и укрепления материального благосостояния³. Решению такой задачи и посвящена предлагаемая работа.

В аттестате о службе Крылова его социальное происхождение описывалось формулировкой «из штаб-офицерских детей»⁴, означающей, что будущий баснописец был сыном человека, выслужившего потомственное дворянство. Семейство Крыловых не владело недвижимыми имениями, но, возможно, у них были дворовые⁵. Как бы то ни было, основной источник средств существования для семьи составляло жалованье отца, Андрея Прохоровича, на военной, а затем (с 1775 года) на статской службе. Этих доходов было, очевидно, недостаточно для того, чтобы отдать старшего сына в какое-либо училище. Вместо этого восьмилетний Иван⁶ был в 1777 году записан в службу подканцеляристом в Калязинский нижний земский суд⁷, а в следующем году переведен в Тверской губернский магистрат, где его отец с 1776 года занимал должность второго председателя, состоя в чине коллежского асессора⁸.

Смерть Андрея Прохоровича в 1778 году нанесла серьезный удар по благосостоянию семейства. Просьба вдовы о назначении пенсии за мужа не была удовлетворена; Ивану шел только десятый год, и полноценным кормильцем для матери, бабушки и младшего брата он быть не мог. По легенде, в это время М.А. Крыловой приходилось для заработка читать Псалтырь по умершим в богатых дворянских и купеческих домах Твери. «Говорят, что этому занятию Марья Алексеевна Крылова была обязана некоторыми связями и знакомствами, которые впоследствии были полезны ее сыну», — более ста лет спустя замечал исследователь тверской старины А.К. Жизневский⁹.

Так прошло несколько лет, и наконец мать и сын отважились на решительный шаг: бросить наметившуюся приказную карьеру Ивана, покинуть провинцию и искать счастья в Петербурге, где перед способным мальчиком могли открыться более широкие возможности, обещавшие укрепить благосостояние семьи. Крыловы в то время, очевидно, располагали некоторыми средствами, позволявшими перебраться в другой город и устроиться там, однако решиться на столь резкий разрыв с налаженным бытом Марья Алексеевна могла лишь в надежде на поддержку со стороны старых друзей и сослуживцев мужа. В мае 1782 года один из них — бригадир С.И. Маврин, знавший и ценивший А.П. Крылова по совместной службе в секретной комиссии по расследованию действий пугачевцев у Яицкого городка¹⁰, — занял должность петербургского вице-губернатора.

В июле того же года 13-летний подканцелярист Иван Крылов, испросив в своем присутствии месячный отпуск, отправился в Петербург. Из отпуска он не вернулся: фактически это был побег со службы. Его хватились только на следующий год; беглецу грозило возвращение в Тверь по этапу и наказание, но в это время он уже нашел себе но-

вое место в столице. В сентябре 1783 года Крылов был определен в Санкт-Петербургскую губернскую Казенную палату, которую по своей вице-губернаторской должности возглавлял Маврин. Историю с самовольным отъездом из Твери удалось замять настолько успешно, что указом Тверского наместнического правления молодой Крылов был даже награжден «за беспорочную службу» чином канцеляриста¹¹. Уже в ноябре 1783 года он получает первый классный чин провинциального секретаря. Жалованье в размере 90 рублей ассигнациями в год¹² составляло первый известный нам денежный доход будущего баснописца.

Примерно к этому времени относится первое из дошедших до нас сочинений Крылова – либретто комической оперы «Кофейница» и его первый литературный заработок: в 1784 году юный автор смог продать «Кофейницу» издателю и композитору Б.-Т. Брейткопфу.

Примечательно, что Крылов начал именно с произведения для сцены¹³: в условиях, когда авторы зачастую вообще ничего не получали за свои сочинения, на вознаграждение могли надеяться лишь переводчики и драматурги, причем если первым издатель обычно выдавал часть тиража, то вторым выплачивался денежный гонорар. Плодовитый драматург, чьи произведения с успехом шли на сцене, мог рассчитывать на заработок, существенно превышающий жалованье мелкого канцелярского чиновника.

Впрочем, рассказ М.Е. Лобанова о том, что Брейткопф предложил никому не известному сочинителю за его либретто целых 60 рублей, вызывает сомнения. Для начинающего автора такой гонорар был несоизмеренно велик. Более убедительно выглядит продолжение этого рассказа, из которого следует, что в итоге Крылов получил от издателя все-таки не деньги, а книги из его собственной книжной лавки. Впрочем, сочинения Расина, Мольера и Буало¹⁴ представляли собой, скорее всего, иностранные и потому недешевые издания.

Крыловское либретто так и не превратилось в полноценную комическую оперу и не увидело сцены, сделка с Брейткопфом больше напоминала поощрение молодого таланта, нежели настоящий авторский гонорар, – и все же история с «Кофейницей» должна была вдохновить 15-летнего Крылова и укрепить его в намерении дальше заниматься драматургией.

2

Что касается служебных перспектив, которые открывались перед Крыловым в Петербурге, то они не были особенно радужными. В декабре 1783 года Маврин покинул вице-губернаторский пост и сосредоточился на военной службе. Его бывшему протекже, оставшемуся в Казенной палате, предстояли годы скучных, однообразных канцеляр-

ских занятий и мучительно медленного продвижения по службе при заведомо скудном жалованье. Между тем на попечении 15-летнего Ивана находились перебравшиеся вместе с ним в Петербург мать и младший брат Лев, который с 1786 года (с десятилетнего возраста) числился в военной службе – в лейб-гвардии Измайловском полку.

В том же 1786 году Крылов создает несколько произведений для театра, пробуя себя в разных жанрах. Трагедия «Клеопатра» оказалась неудачной, но благодаря ей Крылов близко познакомился с маститым актером, законодателем вкуса на русской сцене И.А. Дмитриевским. Обсуждая с молодым поэтом недостатки трагедии, Дмитриевский сумел оценить его дарование, и, несмотря на 35-летнюю разницу в возрасте, между ними возникли дружеские отношения.

Тогда же Крылов, казалось, нашел себе высокого покровителя в театральном мире. Им стал П.А. Соймонов, член Комитета для управления зрелищами и музыкой, в ведении которого находились придворные театры, именно в это время ставшие доступными широкой публике. Кроме того, Соймонов в качестве статс-секретаря императрицы управлял Экспедицией по Колывано-Воскресенским горным заводам Кабинета ее величества. Видимо, с этим и был связан переход Крылова весной 1787 года на службу в Горную экспедицию. Ни в чинах, ни, скорее всего, в жалованье он не выиграл, но к тому времени служба, по-видимому, уже и не рассматривалась им в качестве основного занятия. Театральное дело в Петербурге переживало подъем, требовались новые пьесы, новые авторы, и Соймонов поощрял драматические опыты своих подчиненных. Годом позже под его начало поступит еще один молодой драматург, Александр Клушин¹⁵: он займет место в Комиссии о дорогах в государстве, членом которой также был Соймонов.

Однако, к разочарованию Крылова, ни одно из его оригинальных сочинений, даже принятых к постановке, так и не было допущено на сцену, а переведенная им тогда же по прямому указанию Соймонова с французского комическая опера «Инфанта Заморы» хотя и была поставлена, но успеха не имела¹⁶. Очевидно, что заработки и репутация начинающего драматурга далеко не соответствовали ни его ожиданиям, ни приложенным усилиям¹⁷.

Крылов тем не менее не сдавался и предпринял попытку обратить на себя внимание резко сатирической комедией. В конце 1787 – начале 1788 года он пишет «Проказников», где жестоко высмеивает Княжнина и его жену под именами Рифмокрада и Тараторы. Столь смелое нападение почти неизвестного писателя на первого драматурга своего времени стало следствием не только личной обиды, но в не меньшей степени результатом применения Крыловым стратегии по-

ведения начинающего автора, который отвоевывает себе место, атакуя общепризнанные литературные величины¹⁸.

Но в данном случае результат оказался обратным ожидаемому. Княжнин пожаловался начальнику Крылова Соймонову, и тот запретил «Проказников» к постановке, а через некоторое время велел больше не пускать строптивого юношу бесплатно на хорошие места в театр. Для Крылова это означало разом и утрату высокого покровительства, и крушение надежд на карьеру драматурга. Неизбежным следствием конфликта для него стал вынужденный уход из Горной экспедиции: прослужив чуть более года, он в мае 1788-го подал прошение об отставке «за болезнь»¹⁹. Эта формулировка свидетельствовала о том, что Крылов не планировал просто перейти в другое ведомство. Хотя в том же году умерла его мать и заботы о младшем брате всецело легли на его плечи, он отказался от продолжения службы, предпочтя ей карьеру литератора. В условиях, когда профессия писателя, вследствие неразвитости литературного рынка, еще фактически не существовала²⁰, это было чрезвычайно дерзкое решение.

Вдохновляющим образцом для Крылова мог служить Н.И. Новиков, который в 1769 году, начиная издавать еженедельный сатирический журнал «Трутенъ», тоже оставил службу и с тех пор, всецело посвятив себя журналистской и издательской деятельности, смог стать одной из ключевых фигур современной национальной культуры. Заметим, однако, что Новиков вышел в отставку двадцати пяти лет в чине поручика, вполне достойном для дворянина, к тому же его состояния хватало для того, чтобы, не служа, существовать безбедно. Возможности 19-летнего отставного провинциального секретаря Ивана Крылова были куда скромнее, а значит, и риск больше.

3

Порывая с традиционными для дворянина его времени жизненными стратегиями, основанными на службе и/или покровительстве, молодой Крылов уже в это время нащупывает собственную стратегию, главный принцип которой — независимость от чужой воли, а главная цель — утверждение собственного достоинства и свободы.

Между тем вопрос о том, как он будет добывать себе средства к существованию, очевидно, стоял остро. Небольшой, но верный заработок чиновника он отверг, путь на сцену для его произведений был закрыт, а значит, недоступен стал и тот источник доходов, на который он еще недавно мог рассчитывать. Публичный демарш Крылова против Княж-

нина и Соймонова, предпринятый во второй половине 1788 – начале 1789 года²¹, в этом контексте выглядел как сжигание мостов.

В результате для Крылова оставались открытыми лишь те литературные сферы, куда не распространялось влияние его противников из театральной среды. Его опорой стали завязанные к тому времени литературные отношения. Он входит в сообщество писателей и переводчиков, группировавшееся вокруг И.Г. Рахманинова – секунд-ротмистра лейб-гвардии Конного полка, человека состоятельного и увлеченного идеями Просвещения²². В 1788 году Рахманинов завел «вольную» типографию и развернул свою издательскую программу. Более всего он пропагандировал сочинения Вольтера, а кроме того, начал издавать еженедельный журнал «Утренние часы», где Крылов выступил в новом качестве – как поэт-сатирик. Помимо него, к кругу Рахманинова примыкал Дмитриевский²³ и, возможно, Клушин, который также был почитателем Вольтера.

28 ноября 1788 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется объявление о подписке на «ежемесячное издание» сатирического характера под названием «Почта духов». Имя сочинителя не указывалось. Это было связано как с законами жанра, так и с тем, что имя Ивана Крылова как автора на тот момент еще ничего не говорило публике и не могло быть привлекательно для подписчиков. Таковых у «Почты духов» ожидаемо набралось немного, всего 79 человек – меньше, чем у всех подписных изданий 1780-х – начала 1790-х годов²⁴.

Сумма, вырученная за подписку, не дотягивала до 400 рублей (по 5 рублей с подписчика). Учитывая типографские расходы и то, что тираж, в расчете на розничную продажу, превышал количество выписанных экземпляров, можно не сомневаться, что издание было либо бесприбыльным, либо, что вероятнее, убыточным. Впрочем, для Рахманинова это не имело значения: в своей книгоиздательской деятельности он не ставил перед собой коммерческих целей. Что касается Крылова, то в течение трех с лишним лет после отставки его сочинения в лучшем случае приносили очень незначительный доход, а скорее всего – не приносили никакого. Крайне слабая обеспеченность источниками этого периода его жизни не позволяет исчерпывающе представить, какими средствами он располагал в то время. Весьма вероятно, что они не сводились к литературным заработкам²⁵.

Анонимная публикация «Почты духов» не прибавила Крылову известности, однако общение с Рахманиновым несомненно стало для него школой издательского и типографского дела. Когда в конце 1788 года Рахманинов примерно на полгода уехал из столицы, многие хлопоты по изданию, очевидно, легли на самого автора²⁶.

«Почта духов», начав выходить, как и планировалось, в январе 1789 года, печаталась с большими задержками. Последний, восьмой, номер появился в начале апреля 1790 года. По расчетам И.М. Полонской, сентябрьский номер за 1789 год должен был увидеть свет в конце мая – июне²⁷, однако этому помешали драматические события, связанные с выходом в мае «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и политическим преследованием автора и книгопродавцев. Для Рахманинова, лично знакомого с Радищевым, это стало сигналом опасности; он начал сворачивать деятельность в Петербурге и к 1791 году полностью перевез типографию в свое тамбовское имение Казинку. Как следствие, уже в августе 1790 года Крылову пришлось печатать написанную им «Оду... на заключение мира России со Швециею» в типографии И.-К. Шнора.

Вынужденное прекращение сотрудничества с Рахманиновым подтолкнуло Крылова и других литераторов этого круга к поиску иных форм самоорганизации. На смену дружескому объединению, центром которого был человек, несший большую часть расходов по общей деятельности, пришло объединение коммерческое. В конце 1791 года Крылов, Клушин и Дмитревский вместе с известным актером, театральным деятелем и литератором П.А. Плавильщиковым²⁸ становятся пайщиками товарищества, имеющего целью содержать типографию и книжную лавку. Одной из своих задач они видели издание журнала.

4

«Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки», опубликованные в 1847 году библиографом И.П. Быстровым, коллегой Крылова по Публичной библиотеке, – уникальный источник, освещающий деловую сторону книгоиздания в России конца XVIII века²⁹. Этот документ, подписанный 8 декабря 1791 года, представлял собой одновременно устав общества и договор между пайщиками.

Каждый из них обязывался внести в капитал будущего предприятия по 250 рублей. В заведенной тогда же «Книге приходной на 1792 год» значилось: «В декабре [1791] под числом 15-м Иван Дмитревской положил двести пятьдесят рублей; под числом 20-м Петр Плавильщиков положил двести пятьдесят рублей; Иван Крылов положил пятьдесят рублей; 1792 год, генварь, число 1-е, Александр Клушин положил двадцать пять рублей; число 27-е, Иван Крылов положил двести рублей; февраля 16-го, Александр Клушин положил сорок рублей».

Дмитревский и Плавильщиков были достаточно состоятельны, чтобы без затруднений сделать необходимый взнос. Первый еще в 1787 году вышел в отставку и жил на солидный пенсион в 2000 рублей в год, пожалованный за выдающиеся заслуги перед русским театром. Второй по должности инспектора русской труппы получал 1200 рублей, пользуясь казенной квартирой с дровами; к этому надо добавить бенефисы, которые полагались Плавильщикову как актеру, и авторское вознаграждение за написанные им пьесы. Так, 4 ноября 1791 года ему были выплачены 300 рублей за трагедию «Рюрик» (представленную под названием «Всеслав») ³⁰.

Что же касается двух других пайщиков, то им внести свои доли оказалось труднее. Можно только догадываться о том, каким образом в распоряжении Крылова оказалась сумма, почти в три раза превышавшая то годовое жалованье, которое он некогда получал. Не исключено, что это был карточный выигрыш. В круги состоятельных светских игроков он мог войти благодаря как знакомству с конногвардейцем Рахманиновым, так и службе в Измайловском полку, пусть еще в нижних чинах, его младшего брата Льва ³¹. Среди офицеров обоих полков было много представителей богатейших аристократических фамилий.

Если Крылов, хотя и в два приема, все-таки справился с 250-рублевым взносом, то Клушин, по-видимому, так и не смог полностью выплатить свой пай. Принадлежа к древнему, но обедневшему роду, он располагал очень незначительными средствами ³²: его жалованье в Комиссии о дорогах составляло 300 рублей в год ³³. О том, что Клушин в это время серьезно нуждался в деньгах, говорит тот факт, что в 1791 году он и его брат Николай продали свои доли в родовой вотчине, селе Жерино Ливенской округи ³⁴.

Судя по «Законам...», само товарищество, созданное четырьмя пайщиками, осталось безымянным, однако на него можно распространить название учрежденного ими предприятия — «Типография И. Крылова с товарищи» ³⁵. Выдвижение на первый план имени самого молодого (22-летнего) и нечиновного из четверки, в которой все члены уравнены величиной пая, вероятнее всего, было связано с тем, что Крылову как человеку энергичному, знакомому с типографским производством и, что немаловажно, не обремененному службой, предстояло управлять общим делом.

Коммерческая сторона деятельности товарищества была детально продумана, причем особое внимание уделялось финансовой устойчивости. Кроме денежного пая, члены вносили и такой нематериальный, но весьма значимый капитал, как литературный труд. Они взяли на себя обязательство печатать свои сочинения только в собственной

типографии и продавать в собственной лавке. Будучи активными литераторами, члены товарищества полагали, что уже хотя бы по этой причине их типография не останется без работы. Однако никаких преференций пайщики-авторы не имели, типографские услуги они обязывались оплачивать на общих основаниях. Еще одним важным ресурсом был авторитет, которым обладали в театральной среде Дмитриевский и Плавильщиков. Несомненно, благодаря им только что созданная типография сразу стала получать заказы Театральной дирекции на печатание афиш, что приносило стабильный доход.

Что касается книжной лавки, то она в соответствии с «Законами...» должна была обладать частичной самостоятельностью; предполагалось, что она будет не просто заниматься сбытом продукции собственной типографии, но и торговать другими изданиями. Этому книготорговому предприятию предстояло выдерживать серьезную конкуренцию: в Петербурге этого времени существовало несколько десятков книжных лавок³⁶. Планировалось, что типография и лавка образуют «два капитала, один другого подкрепляющие». 80% доходов лавки надлежало передавать в доход товарищества, при этом она сама должна была зарабатывать на содержание своего сидельца, а книги других типографий приобретать путем обмена, что дополнительно расширяло сбыт продукции «Крылова с товарищи».

В юридическом отношении содержание «вольной» типографии не представляло проблемы для пайщиков. Двое из них, Дмитриевский и Плавильщиков, как принадлежащие к «актерскому званию», относились к городскому сословию почетных (именитых) граждан, а другие двое, Крылов и Клушин, были дворянами. Обоим этим сословиям закон разрешал владеть производственными предприятиями, в том числе типографиями. Сложнее обстояло дело с книжной лавкой. Установив в «Законах...», что лавка существует «на основании городского права», пайщики обязаны были учитывать ограничения, наложенные законодательством на торговые заведения, и, в частности, то, что содержание лавок вне собственных домов позволено только купечеству. Таким образом, существование книжной лавки товарищества в съемном помещении было не вполне законно³⁷.

Вероятно, с осознанием этой проблемы связано появление в Петербурге В.А. Плавильщикова — младшего брата одного из пайщиков. 3 августа 1792 года 24-летний сын московского купца Василий Плавильщиков записался в Петербурге в III гильдию³⁸, что давало ему право заниматься «мелочной», то есть розничной торговлей, и в ноябре уже принимал активное участие в организационных и хозяйственных делах типографии и книжной лавки³⁹. По действовавшим тогда правилам, Плавильщиков-младший должен был при вступлении

в гильдию «объявить» капитал не менее 1 тыс. рублей, однако «Книга приходная на 1792 год» не содержала информации о его вступлении в число пайщиков; скорее всего, это произошло позднее.

Масштабы задуманного «Крыловым с товарищи» предприятия были невелики. Для сравнения: паевое товарищество «Типографическая компания», созданное Н.И. Новиковым и его единомышленниками в 1784 году, имело первоначальный капитал в размере 57,5 тыс. руб., причем взносы пайщиков составляли от 3 до 10 тыс. рублей⁴⁰.

Львиная доля расходов первого года пришлось, по-видимому, на приобретение типографского оборудования и материалов. Возможно, некоторую помощь в этом оказал опытный Рахманинов: о том, что он «содействовал нам к заведению типографии», Крылов впоследствии упомянул в разговоре с его племянником С.П. Жихаревым⁴¹. Однако о прямой передаче типографии Рахманинова Крылову и другим пайщикам говорить нет оснований: по авторитетному утверждению И.М. Полонской, встречающиеся в научной литературе указания на это «опровергаются архивными данными, а также тем, что в этих двух типографиях не было ни одного общего шрифта»⁴². «Содействие» со стороны Рахманинова могло выразиться, в частности, в том, что «по наследству» от него к товариществу перешли некоторые деловые связи и потенциальные заказчики⁴³.

Типография и книжная лавка расположились в съемных помещениях на первом этаже недавно отстроенного огромного дома на Миллионной улице, принадлежавшего куратору всех российских воспитательных домов И.И. Бецкому. Там же на счет товарищества были арендованы жилые комнаты, окнами выходившие в Летний сад⁴⁴. Очевидно, что ни пожилой, семейный Дмитревский, ни располагавший казенной квартирой Плавильщиков не планировали пользоваться ими; это жилье предназначалось для наименее обеспеченных членов товарищества — неразлучных друзей Крылова и Клушина. «Члены, живущие там, пользуясь квартирою, больше и заняты присмотром и ведением книг по типографии», — говорилось в «Законах...».

Основной груз обязанностей, включая ведение хозяйственных записей, принял на себя Крылов. Именно его рукой заполнена «Книга приходная на 1792 год». Ее освидетельствование другими пайщиками прекратилось в августе того же года, что говорит, вероятно, о том, что счетоводству своего товарища они вполне доверяли.

Для функционирования типографии и книжной лавки требовались не только помещение и оборудование, но и персонал, в том числе фактор (руководитель технической части), корректор, квалифицированные рабочие — наборщик и печатник, а также сиделец в лавке. Ограниченность средств заставляла пайщиков экономить, и работу,

не требующую профессиональных навыков, они брали на себя. «Каждый должен стараться, по возможности, исполнять все то, что может относиться к должности фактора, корректора и тому подобных, и все таковые труды разделить между собою, и если бы случилось кому что-то сделать и за другого, в том никакого расчета не делать, ибо сие общество основывается на законах истинного дружества», — гласил пункт 2 «Законов...».

Эта формулировка привела историка книги И.Е. Баренбаума к выводу о том, что «Крылов с товарищи» — «не коммерческое предприятие, а своеобразная трудовая артель, идейно-дружеское объединение в духе тех, что организовывал Новиков»⁴⁵. Между тем «Законы...» не оставляют сомнений в том, что товарищество мыслилось именно как коммерческое, что не исключает, конечно, дружескую основу объединения.

Записи о приходе новой типографии за последнюю декаду января 1792 года свидетельствуют о том, что ее первой продукцией стали афиши для трех спектаклей, что принесло 21 рубль. Еще одним источником выручки послужило печатание билетов для Кронштадтского клуба — офицерского собрания, существовавшего в Кронштадте с 1786 года и особенно активно действовавшего в зимние месяцы⁴⁶. При этом книжная лавка в первый месяц своего существования прихода не имела вовсе.

В течение года товарищество развернуло и собственную книгоиздательскую деятельность. Первое объявление о продаже книг, вышедших из «Типографии Крылова с товарищи», появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1 июня 1792 года. Среди ее продукции были не только сочинения для театра, авторами или переводчиками которых были в том числе и сами пайщики, но и книги, отвечавшие интересам широкой публики и потому сулившие быстрый сбыт и прибыль⁴⁷. Так, в 1792 году увидели свет тексты комических опер «Диянино древо или Торжествующая любовь» и «Редкая вещь»⁴⁸ Л. Да Понте в переводе Дмитревского, комедия Плавильщикова «Бобыль», перевод мелодрамы Ж.-Ж. Руссо «Пигмалион», а также первая часть романа Ж.-Б. Луве де Кувре «Приключения шевалье де Фобласа» (в переводе А.И. Леванды при участии Крылова) и справочник Н.П. Осипова «Любопытный домоводец, или Собрание разных опытов и открытий, относящихся к хозяйству городскому и деревенскому»⁴⁹. Кроме того, с начала 1792 года товарищество выпускало журнал «Зритель», собравший 170 подписчиков в обеих столицах и других городах России⁵⁰.

Согласно «Книге приходной на 1792 год», общий приход к 1 декабря 1792 года составил 2734 руб. 95 коп. Около трети этой суммы принесла подписка на «Зритель»⁵¹, остальное сложилось из типографских работ и продажи книг и журналов в розницу. К сожалению,

подсчитать размеры чистой прибыли товарищества по итогам года невозможно: отсутствуют сведения о расходах на аренду помещения в доме Бецкого, закупку оборудования, бумаги и других расходных материалов, оплату труда наемных работников. Учитывая, что, согласно «Законам...» товарищества, выплате пайщикам подлежало 90% полученной прибыли и лишь 10% оставались «для подкрепления заведения», не исключено, что вложения окупились уже в первый год. Деятельности товарищества на этом этапе не помешал ни рост подозрительности правительства в отношении книгоиздателей и книгопродавцев, который привел к аресту Новикова в апреле 1792 года, ни даже обыск, произведенный в типографии в мае, но не обнаруживший никаких крамольных сочинений⁵².

Если финансовый результат первого года существования товарищества обнадеживал, то уже следующий год показал, что не только развивать достигнутый успех, но даже просто поддерживать все затеянные предприятия не так уж легко. Если в 1792 году под маркой «Типографии Крылова с товарищи» было выпущено девять наименований книг, то в 1793-м — только шесть, включая продолжение «Приключений шевалье де Фобласа».

С начала 1793 года журнал «Зритель» изменил название на «Санкт-Петербургский Меркурий». В этом можно увидеть как попытку издателей (в этом качестве выступили Крылов и Клушин) привлечь внимание публики новинкой, так и проявление осторожности. Отказываясь от названия, которое вызывало ассоциации с английской сатирической прессой («The Spectator» Дж. Аддисона и Р. Стила) и журналами Новикова («Трутенъ», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек»), они подчеркнуто соотносили свое издание с солидным, в первую очередь литературным журналом «Mercure de France». Сатирической прозы в «Санкт-Петербургском Меркурии» действительно стало меньше. При этом и число подписчиков сократилось, по сравнению со «Зрителем», почти на четверть, составив 134 человека. При той же подписной цене — 5 рублей за экземпляр без пересылки — подписка на «Санкт-Петербургский Меркурий» принесла товариществу 670 рублей, то есть на 180 рублей меньше, чем годом ранее «Зритель».

В июле 1793 года Петербург покинул П.А. Плавильщиков, решивший продолжать свою карьеру в Москве. Его отъезд не обязательно был сопряжен с изъятием пая; «Законы...» товарищества предусматривали в подобных случаях передачу управления паем доверенному лицу, в качестве которого мог выступить брат Плавильщикова Василий. Однако товарищество, по-видимому, и так испытывало серьезные материальные затруднения, которые усугублялись падением курса ассигнационного рубля⁵³, ростом дороговизны и стоимости жизни

в Петербурге. Об этом Крылов полушутливо говорит в стихотворении «К счастью» (1793), сетуя, что

...у нас в заводе
Ни яблоков моченых нет
Приправить скромный наш обед⁵⁴.

В такой ситуации печатание журнала, а также нескольких произведений Крылова и Клушина вопреки «Законам...» товарищества перешло в другую типографию. 1 июня между издателями «Санкт-Петербургского Меркурия» и Академией наук была заключена сделка, весьма выгодная для первых⁵⁵. Крылов и Клушин передали Академии для публикации в продолжающемся сборнике «Российский Феатр» семь драматических произведений: комическую оперу «Бешеная семья», комедии «Проказники» и «Сочинитель в прихожей», трагедию «Филомела» Крылова, комедии «Смех и горе» и «Алхимист» Клушина, а также совместное сочинение обоих друзей – комическую оперу «Опасная шутка»⁵⁶. Книгоиздательская деятельность товарищества страдала от этого в минимальной степени, поскольку ранние сочинения Крылова вряд ли могли рассчитывать на успех у покупателей (примечательно, что само товарищество не стало их печатать)⁵⁷. Коммерческий интерес могло представлять только издание клушинских комедий, которые в это время с успехом шли на сцене. В качестве платы за предоставление этих неопубликованных сочинений Академия обязалась напечатать в своей типографии за казенный счет пять номеров «Санкт-Петербургского Меркурия» за 1793 год (с августовского по декабрьский). Из текста договора известно, что тираж этих номеров должен был составить 584 экз. (чуть меньше, чем стандартный «полузавод» – 600 экз.), включая четыре экземпляра на высококачественной голландской бумаге, отпечатанных, очевидно, персонально для пайщиков товарищества. Издатели, со своей стороны, обязывались сами получить цензурное разрешение и держать вторую, финальную, корректуру.

Решающую роль в выработке условий сотрудничества сыграла сама президент Академии наук Е.Р. Дашкова, пространной резолюцией которой руководствовалась канцелярия Академии в своих отношениях с Крыловым и Клушиным.

В исследовательской литературе принято мнение о том, что разразившийся осенью 1793 года скандал, связанный с публикацией в «Российском Феатре» тираноборческой трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» и закончившийся отстранением Дашковой от дел Академии в начале 1794 года, привел к угасанию журнальной активности

Крылова и Клушина, а затем и к отъезду обоих из Петербурга. Однако документальных подтверждений прямой зависимости между этими событиями нет. Более того, Академическая типография продолжала выполнять свои обязательства перед издателями «Санкт-Петербургского Меркурия» до апреля 1794 года, когда был выпущен последний, декабрьский номер за 1793 год⁵⁸.

Тем не менее в лице Дашковой товарищество потеряло серьезную поддержку, которая помогла справиться с трудностями, нараставшими в течение 1793 года. Типография получала мало заказов, текущие номера журнала наполнялись явно с большим трудом, что вызывало систематические задержки. Кроме того, товарищество, по всей видимости, столкнулось с недостатком оборотных средств. Отведенных на это десяти процентов прибыли оказалось явно недостаточно для поддержания функционирования всех предприятий в столь сложной ситуации.

При таких обстоятельствах Крылов и Клушин не решились объявлять о продолжении издания журнала на следующий 1794 год. Осенью 1793 года Клушин, игравший в «Санкт-Петербургском Меркурии» роль ведущего автора, подал прошение об отпуске на пять лет с жалованьем «для продолжения обучения в Гёттингенском университете»⁵⁹. Его отъезд был намечен на февраль 1794 года. В связи с этим он дал доверенность на получение в Академической типографии двух последних номеров журнала Василию Плавильщикову⁶⁰. Вероятно, ему же Клушин передал и управление своим паем в связи с отъездом.

Тем не менее заключение анализировавшей эту ситуацию И.М. Полонской: «к середине 1793 г. Крылов, Клушин, Плавильщиков и Дмитриевский приняли <...> решение о ликвидации литературно-издательского объединения»⁶¹ — представляется слишком радикальным. Отказ от продолжения издания журнала сам по себе еще не означал ликвидации всего товарищества. Однако дальнейшее открытое участие в его деятельности «титulyного» пайщика — Крылова — в самом начале 1794 года стало нежелательным. В январе была опечатана типография Рахманинова в Казинке и начато следствие по поводу выпуска им в свет неподцензурных изданий, в том числе полного собрания сочинений Вольтера. При этом практически весь предыдущий год Рахманинов провел в Петербурге⁶², где, вероятно, продолжал общаться с Крыловым, а в Казинке началось печатание второго издания «Почты духов». На фоне якобинского террора во Франции Екатерина II особенно болезненно реагировала на проявления вольнодумства со стороны своих подданных. В таких условиях тесная связь с неблагонадежным издателем грозила обернуться неприятностями политического характера и для самого Крылова, и для типографии товарищества, официально носившей его имя.

Очевидно, следствием этого стал отъезд Крылова из столицы⁶³, в связи с чем завершение издания «Санкт-Петербургского Меркурия» легло на одного из сотрудников журнала, литератора И.И. Мартынова⁶⁴.

Переломный момент в истории товарищества зафиксирован той же Полонской: «С 21 марта 1794 г. в стандартной форме книгопродавческих объявлений от типографии “Крылов с товарищи” <...> исчезает упоминание о Крылове»⁶⁵.

5

Впрочем, издательская и типографская деятельность товарищества не только не прекратилась, но даже получила новый толчок. Если за первые месяцы 1794 года под прежней маркой были выпущены лишь две книги: анонимный перевод сочинения французского детского писателя А. Беркена «Лидия де Жерсин, или История осмилетней агличанки...» и очередная часть «Приключений шевалье де Фобласа», то за оставшуюся часть года – еще десять. На титульных листах этих изданий нет указания на место печатания, но И.М. Полонская на основании исследования шрифтов уверенно атрибутирует их как продукцию бывшей «Типографии Крылова с товарищи»⁶⁶.

Это стало возможным благодаря Плавильщикову-младшему, никуда из Петербурга не уезжавшему⁶⁷. Принято считать, что «Типография Крылова с товарищи» весной 1794 года была «передана» ему⁶⁸ – однако при этом остается в стороне важный вопрос о собственности и о дальнейшем существовании паевого товарищества. Между тем как раз с апреля 1794 года в газетных объявлениях появляется типография с уникальным описательным наименованием – «в новом доме его высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкого, что у Летнего сада». Несомненно, это и есть бывшая «Типография Крылова с товарищи», утратившая не только имя «титульного» пайщика, но и марку как таковую. В то время В.А. Плавильщиков уже мог войти в капитал товарищества в качестве еще одного компаньона, однако если бы он уже стал полноправным владельцем типографии, она именовалась бы «типографией Плавильщикова» – как и произошло позднее. По-видимому, существование и функционирование этой типографии как безымянной на протяжении нескольких лет – косвенное доказательство того, что ее прежние собственники все это время оставались в своих правах, но по разным причинам не хотели связывать с нею свои имена.

Весьма вероятно, что Крылов, покидая Петербург в первой половине 1794 года, по примеру других пайщиков доверил Плавильщи-

кову управление своей долей в предприятии. Это позволяло, будучи в отъезде, рассчитывать на получение дохода от работы типографии. Размеры этого дохода неизвестны, но, вероятно, он по-прежнему был невелик. Сколько продлится ситуация неопределенности, можно было только гадать; как бы то ни было, Крылов, придерживаясь ранее избранной жизненной стратегии, не стал возвращаться на путь службы, а предпочел просто переждать сложные времена.

Информации о том, где и как он провел последующие несколько лет, крайне мало. Известно лишь, что ему на некоторое время предоставляли приют богатые знакомцы, которых, в свою очередь, связывали друг с другом приятельские отношения. Можно предполагать, что из Петербурга он выехал вместе с В.Е. Татищевым, направлявшимся в Дмитровский уезд для вступления во владение великолепной усадьбой Болдино, которая досталась ему как раз в 1794 году в результате семейного раздела⁶⁹. Там Крылов, видимо, пробыл несколько месяцев.

В следующем 1795 году он пользовался гостеприимством супругов И.И. и Е.И. Бенкендорф — в Москве и их подмосковном имении Виноградово. К этому же времени относится список московских карточных игроков, обративших на себя особенное внимание градоначальства, где фигурирует некий «подпоручик Иван Крылов»⁷⁰. Хотя чин подпоручика по Табели о рангах действительно соответствовал чину провинциального секретаря, в котором в то время состоял Крылов, его использование нехарактерно для человека, никогда не служившего по военной части, и это не позволяет уверенно отождествить игрока Ивана Крылова с будущим баснописцем. Тем не менее можно допустить, что уже в это время начался длительный период в его жизни, о котором Н.И. Гнедич позднее выразился так: «Лет двадцать Крылов ездил на промыслы картежные»⁷¹. В августе 1795 года пятеро наиболее скомпрометировавших себя игроков были по распоряжению Екатерины II отправлены из Москвы в ссылку в отдаленные губернии под надзор. Остальные никак не были наказаны, но, возможно, с этим скандалом был связан отъезд Крылова из первопрестольной⁷². В письме к Е.И. Бенкендорф от 26 ноября 1795 года он, сетуя на «старые и еще вновь приключившиеся <...> несчастья и потери», резюмирует: «До сих пор все предприятия мои опровергались, и, кажется, счастье старалось на всяком моем шагу запнуть меня»⁷³.

Местопребывание Крылова в течение 1796 года неизвестно. По-видимому, основным средством к существованию для него в это время была карточная игра.

Версия М.А. и Я.А. Гординых о том, что Крылов находился в Москве на торжествах по случаю коронации нового императора Павла I весной 1797 года, представляется неубедительной⁷⁴. В то же время

несомненен факт его пребывания в Петербурге летом того же года: 25 августа Крылов обратился в столичную полицию в связи с тем, что за несколько дней до этого «нечаянным образом» утратил важный личный документ — аттестат о службе в Горной экспедиции⁷⁵. Весьма вероятно, что бумага пропала при перемещении типографии из дома Бецкого в дом Губернского правления на Большой Мещанской⁷⁶, когда Крылову пришлось забирать вещи из своей бывшей квартиры.

Этот переезд знаменовал начало нового периода в истории типографии, не связанного более с Крыловым. В конце 1796 года Плавильщиков заключил договор с Санкт-Петербургским губернским правлением, в соответствии с которым типография, находившаяся в его управлении, оставаясь частной, получила официальное наименование «Типография Губернского правления»⁷⁷. По наблюдениям И.М. Полонской, к этому времени предприятие товарищества получило существенную финансовую поддержку, о чем свидетельствует развитие его шрифтового хозяйства. В дополнение к старым шрифтам «Типографии Крылова с товарищи» были приобретены еще 19 шрифтов, в том числе иностранных, что позволило начать печатание книг, афиш, билетов и объявлений на разных языках⁷⁸. Произвести столь значимые вложения в дело мог только Плавильщиков, который вследствие этого должен был занять в товариществе положение старшего компаньона. Это неизбежно вело к уменьшению доли прежних пайщиков и соответственно к падению их доходов. Возможно, именно тогда Крылов принял решение продать пай в товариществе Плавильщикову⁷⁹ и тем самым поставить точку в своей издательской и типографской деятельности.

6

В 1797 году Крылов оказался в Петербурге в тяжелейшем положении — без крыши над головой и без постоянного, пусть весьма скудного, источника дохода. Однако он упорно держался своей стратегии независимости. С поправкой на особенности поэтического высказывания можно предположить, что ее главные принципы он несколько ранее описал в послании «К другу моему. А.И. К<лушину>»:

Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе, —
В прихожих ползать не ходил.

Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе, —
Чин человека; — в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой⁸⁰.

О возвращении на службу он явно не помышлял, но и бесконечно злоупотреблять гостеприимством своих друзей не мог себе позволить. Пользуясь кровом и пищей и ничего не давая взамен, он скоро превратился бы в приживала при хозяевах — положение более благополучное, но не менее унижительное, чем участь мелкого чиновника в канцелярии.

Именно в это время ему удалось найти человека, отношения с которым стали выходом из столь затруднительной ситуации. 48-летний князь Сергей Федорович Голицын — на тот момент командир лейб-гвардии Преображенского полка, генерал от инфантерии, снискавший славу в недавних русско-турецких войнах, был человеком богатым, просвещенным и, что немаловажно, обладал «неимоверным <...> благородством души» и спокойной, «веселой, ласково-покровительственной» манерой обращения⁸¹. Посредником между ним и Крыловым мог выступить Г.Р. Державин⁸². Возможно также, что Крылов познакомился с Голицыным еще в екатерининские времена при посредничестве А.М. Тургенева — младшего сослуживца Рахманинова по лейб-гвардии Конному полку и приятеля В.А. Плавильщикова⁸³.

Крылов быстро стал в этом многочисленном семействе своим человеком. После того как в начале августа 1797 года император, недовольный выучкой преображенцев, отстранил С.Ф. Голицына от командования полком и отправил его в отставку, князь с семейством покинул Петербург, увозя с собой Крылова. С осени 1797 года он неизменно сопровождал Голицыну всюду, где тот находился — в Москве, в саратовском поместье Зубриловка, в краткосрочной поездке в Петербург на рубеже 1798 и 1799 годов и, наконец, в имении Казацкое Киевской губернии, которое превратилось для князя в место ссылки.

В те годы Крылов практически не мог самостоятельно содержать себя. Одной из считанных возможностей выручить какие-то средства для него стала постановка в Москве в начале 1800 года переведенной им комической оперы «Сонный порошок»⁸⁴. Вероятно, получение авторского вознаграждения позволило ему около Рождества 1799 года послать брату 100 рублей⁸⁵. Но это был едва ли не единственный его заработок за несколько лет. Поддержка Голицына в такой ситуации была для него неоценима.

Отметим, однако, существенное различие между положением Крылова в домах Татищева и Бенкендорфов, с одной стороны, и в доме Голицына — с другой. В первом случае он жил на хлебах у хозяев, не имея шансов как-либо отблагодарить их за гостеприимство. Несмотря на дружеские отношения, это, несомненно, должно было тяготить его. В.Е. Татищев не был женат и не имел детей, в семье Бенкендорфов на тот момент были только дочери — соответственно Крылов не мог проявить себя даже на поприще педагога. У Голицына же ему представилась такая возможность, и это позволило ему задержаться в этом доме надолго. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, который в начале 1799 года оказался в Казацком на положении воспитанника Голицыных, Крылов занимался там русским языком с младшими сыновьями князя, Павлом и Александром, и другими жившими в доме детьми.

Биографы Крылова нередко оценивают его положение при Голицыне как приниженное. Основанием для такой интерпретации служит, в частности, рассуждение П.А. Вяземского: «В доме князя Сергея Федоровича Голицына, барина умного, но все-таки барина, и к тому же, по жене, племянника князя Потемкина, Крылов, по тогдашним понятиям, не мог пользоваться правом личного человеческого равенства с членами аристократического семейства. Он не был в семействе, а был при семействе. Он был учитель, чиновник, клиент, но в этой среде не был свой брат, хотя, может быть, и, вероятно, так и было, пользовался благоволением, а пожалуй, и некоторым сочувствием хозяев»⁸⁶. Однако Вяземский не наблюдал отношения Крылова с Голицыными непосредственно — Вигель же утверждает, что тот находился в доме князя «в качестве приятного собеседника и весьма умного человека», то есть не клиента, а, скорее, компаньона. Перечисляя многочисленных чад и домочадцев, населявших Казацкое, Вигель четко отделяет Крылова от тех, кто был нанят для образования детей, — от гувернера и учителя математики. В отличие от этих «должностных лиц», он относит Крылова к «почетным членам» местного усадебного общества наряду с литератором П.И. Сумароковым, женатым на двоюродной сестре хозяина.

По словам Вигеля, Крылов предложил князю заниматься с его детьми «от скуки». Между тем, учитывая, что воспитание детей в доме Голицына было полностью поручено французам, Крылов, скорее всего, рассматривал свое участие в этом процессе не как развлечение, а как важную и ответственную миссию. Неслучайно «он не довольствовался одним русским языком, а к наставлениям своим примешивал много нравственных поучений и объяснений разных предметов из других наук»⁸⁷. Напомним, что молодые русские дворяне, вследствие чужеземного воспитания не знающие родного языка и презирующие

отечество, были одной из постоянных мишеней его сатиры. При этом, не получая денег за свои педагогические труды, Крылов не становился на одну доску с домашними учителями, что позволяло ему сохранять если не материальную, то моральную независимость и достоинство перед лицом хозяев.

Красноречивым свидетельством того, что Голицыны (во всяком случае – молодое поколение) видели в нем равного, служит то, что несколько позднее, осенью 1803 года, он оказался причастен к нашедшей дуэли между А.П. Кушелевым и Н.Н. Бахметевым, в которой одним из секундентов был 20-летний сын князя Сергей. Не имея статуса секунданта, Крылов, по-видимому, сыграл некоторую роль в организации поединка; во всяком случае, его участие запомнилось другому секунданту – И.А. Яковлеву⁸⁸. В деле о дуэли Кушелева и Бахметева фигурировали представители генералитета и знатных фамилий⁸⁹; пребывание рядом с ними Крылова объяснимо лишь безусловным доверием и уважением, которые питал к нему С.С. Голицын.

Известное наблюдение Вигеля над «умным, искусным, смелым раболепством» Крылова с хозяевами Казацкого и над тем, как он «сам возбуждал их к шуткам» и «часто в угождение им трунил над собою», в этом контексте предстает как еще одно свидетельство мастерской театрализации бытового поведения, к которой Крылов охотно прибегал в дружеском кругу⁹⁰. Не менее существенно и другое: именно у Голицыных Крылов пережил творческий подъем, написав одноактную комедию «Пирог»⁹¹ и свой шедевр – «шутотрагедию» «Подщипа» («Трумф»).

Весьма примечательно, что в рамках своих отношений с С.Ф. Голицыным Крылов не отвергал даже идею службы. Очевидно, в наличии такого начальника он видел гарантию сохранения личного достоинства – основы избранной им жизненной стратегии. Этим может объясняться предпринятая Крыловым в начале 1799 года попытка определиться на какое-то место при Голицыне⁹², которая сорвалась вследствие неожиданной опалы князя.

Когда Александр I, сразу же по восшествии на престол, возвратил Голицына из ссылки, Крылов вновь последовал за ним. В июне 1801 года Голицын был назначен лифляндским, эстляндским и курляндским военным губернатором. Характерно, что, вступив в должность, он счел нужным немедленно уволить прежнего секретаря – правителя канцелярии генерал-губернатора, чтобы освободить это место для Крылова. Однако чин последнего (провинциальный секретарь) был слишком низким для столь ответственной должности (его предшественник имел чин коллежского асессора). В связи с этим Голицын 2 октября обращается в Сенат с ходатайством не только принять Крылова

«паки в службу», но и произвести его в титулярные советники. Вполне оценить значение этой просьбы можно, лишь учитывая, что между чинами провинциального секретаря и титулярного советника лежало еще три ступени Табели о рангах, для прохождения которых требовалось около десяти лет действительной службы; Крылов же более двенадцати лет находился в отставке. В тот момент желание Голицына не было удовлетворено: Сенат в «награждении чином» отказал на том основании, что Крылов «в настоящем [чине] положенных лет не выслужил»⁹³, однако в конце следующего, 1802 года Голицыну все-таки удалось выхлопотать для него следующий чин — губернского секретаря.

Вступление Крылова в службу в качестве секретаря — правителя канцелярии Голицына состоялось 5 октября 1801 года. Размер назначенного ему жалованья неизвестен, но, очевидно, средства, которыми он располагал при начале службы в Риге, были невелики: в конце 1801 года он смог послать брату только 50 рублей.

На своей новой должности Крылов, несмотря на благоволение начальника, продержался недолго; неприязнь к канцелярской работе дала себя знать. «Жизнь в Риге нашего Ивана Андреевича была периодом его забав всякого рода и разгульной жизни, — рассказывает М.Е. Лобанов. — Тогда преимущественно любил он сидеть на пирах и играть в карты и, по собственному его рассказу, был в значительном (до 70 000 руб.) выигрыше»⁹⁴. По воспоминаниям М.П. Сумароковой (известным в пересказе Грота), когда «обнаружилась его неспособность к такой должности (правителя канцелярии. — *Е.Л., Н.С.*) <...> на место его был назначен <...> бывший при князе сведущий чиновник Сергеев, а Крылов еще несколько времени оставался в доме только как собеседник»⁹⁵. Эта замена произошла, очевидно, осенью 1802 года, поскольку в адрес-календаре на 1803 год в должности правителя канцелярии генерал-губернатора находим уже А.С. Сергеева. Тем не менее формальное увольнение Крылова «для определения к другим делам» произошло только спустя год — 26 сентября 1803 года. Возможно, к такому решению Крылова в самом деле подтолкнул крупный карточный выигрыш, который позволял ему надеяться на обеспеченную, в полном смысле слова независимую жизнь.

Покинув Ригу, Крылов направился в Петербург, но там не задержался. 12 октября произошла упомянутая выше дуэль Кушелева и Бахметева. Возможно, в связи со своей причастностью к этой скандальной истории он предпочел выехать из столицы. Еще одна причина могла крыться опять-таки в картах — на сей раз в крупном проигрыше. Иначе трудно объяснить, почему, имея средства, Крылов не поселился если не в Петербурге, то в Москве, где непременно вошел

бы в литературно-театральный круг. Между тем в источниках, исходящих из этой среды, упоминания о нем не встречаются вплоть до осени 1805 года⁹⁶. Не возобновились и его прежние тесные отношения с Голицыным, хотя князь 4 сентября 1804 года с почетом вышел в отставку и в течение нескольких следующих лет жил попеременно в Москве и в Зубриловке. М.П. Сумарокова вполне определенно утверждает, что после Риги Крылов уже не бывал у Голицыных; не появился он даже на многолюдном праздновании серебряной свадьбы князя и княгини 5 июля 1805 года⁹⁷.

Лишившись вместе со службой жалованья, не имея литературного заработка, Крылов фактически снова оказался в том же материальном положении, в котором он находился до знакомства с Голицыным. По-видимому, в это время карты представляли собой единственный доступный ему источник дохода.

Ф.В. Булгарин в очерке о Крылове, опубликованном через два месяца после смерти баснописца, касаясь его игрецкого прошлого, рисовал явно приглаженную картину. В его изображении Крылов предстает человеком, который «был пристрастен к карточной игре вовсе не из корыстолюбия, но ради сильных ощущений» и, «не зная ни света, ни людей», стал жертвой шайки профессиональных игроков⁹⁸. В то же время ряд эпизодов романа «Иван Выжигин», в основу которых, по утверждению самого Булгарина, легло «несколько игрецких анекдотов и справедливых происшествий», рассказанных Крыловым, свидетельствует о глубоком знании методов действий шулеров и принципов устройства игорных притонов.

Гораздо откровеннее и, вероятно, ближе к истине был Н.И. Греч, чьи заметки, посвященные «темному» периоду биографии баснописца, были написаны через 12 лет после булгаринского очерка. Выделяя три категории игроков: мошенники-шулера, «игроки коммерческие» и «поэты игры», то есть люди, бескорыстно преданные азарту, Греч относил Крылова ко второй категории. Игроки такого рода, писал он, это «люди с характером твердым, с необходимым хладнокровием и терпеливостью, с быстрым соображением и верным расчетом на основании теории вероятностей. В числе их есть люди с большим умом, с честными правилами, но, разумеется, не с самым нежным сердцем — люди коммерческие!»

Крылов, по его мнению, обладая всеми этими качествами, применял их в азартной игре. «Он вошел в связь с банкометами, игравшими в больших городах и разъезжавшими по ярмаркам, — писал Греч. — Впоследствии рассказывал он очень хладнокровно и откровенно, какое бывало мученье метать банк на ярмарке, сидеть неподвижно на одном месте с колодой карт в руках несколько часов сряду иногда да-

леко за полночь, в ожидании, что подойдет какой-нибудь понтер: сон клонит, глаза смыкаются, а мечи без усталости»⁹⁹.

Однако даже в это время карты оставались для Крылова лишь средством для достижения материальной независимости. Свое будущее он, по-видимому, вновь связывал с литературной карьерой. Уже в 1805 году он работает над комедией «Модная лавка» и, что особенно важно, создает басни «Дуб и Трость», «Разборчивая Невеста», «Старик и трое Молодых» — первые образцы того жанра, который со временем станет основой его материального благополучия и славы.

7

С начала 1806 года Крылов поселяется в Петербурге. На тот момент он, очевидно, располагал средствами, позволявшими достойно обустроиться в столице. Первый известный его адрес — съемная квартира в большом доходном доме Гонаропуло (Попова) у Синего моста, где, в частности, «стена об стену» с ним жил член Театральной дирекции князь А.А. Шаховской¹⁰⁰. Приятельскими отношениями с ним Крылов был обязан быстрым возвращением в театральные круги и расширением литературных знакомств.

Постановка в июле 1806 года «Модной лавки», а в декабре — комической оперы «Илья богатырь», написанной по предложению Театральной дирекции, несомненно принесли ему не только славу, но и некоторый доход, однако это были лишь разовые заработки. Между тем деньги стремительно обесценивались, темпы падения ассигнационного рубля росли год от года¹⁰¹, а значит, даже очень значительный карточный выигрыш уже не мог служить гарантией безбедного существования.

Вероятно, сознавая это, Крылов для упрочения своего финансового положения рискнул вернуться к коммерческому опыту 1790-х годов и вложить средства в создание типографии. Об этой новой компании, к сожалению, сохранилось гораздо меньше сведений, чем о «Типографии Крылова с товарищи». Известно лишь, что Крылов не играл в ней главной роли. Положение старшего партнера занял А.Н. Оленин, человек не только весьма богатый, но и, что еще важнее, очень влиятельный — статс-секретарь Александра I, одновременно занимавший еще несколько важных государственных постов. Он предоставил для типографии помещение в своем доме на набережной Фонтанки, у Обухова моста. Вторым партнером стал Крылов, третьим — один из ведущих столичных актеров В.Ф. Рыкалов¹⁰². По размеру вложенного капитала он уступал Крылову, однако, по некоторым сведениям,

являлся владельцем бумажной фабрики, что для типографского предприятия было весьма кстати¹⁰³. Номинальным содержателем типографии стал А.И. Ермолаев – палеограф, рисовальщик, знаток древностей, многолетний помощник и домочадец Оленина¹⁰⁴. Не имея, кроме жалованья, никаких источников дохода, он вряд ли входил в число пайщиков.

В отличие от прежнего крыловского товарищества, Оленин, Крылов и Рыкалов не стали заводить книжную лавку, сосредоточившись на типографской и издательской деятельности. Первоначально при своей типографии они еще продавали и книги, выпущенные другими издателями, но в дальнейшем у них можно было купить только их собственную книжную продукцию.

Новое предприятие получило название «Типография Императорского театра». Между тем в Петербурге существовала Театральная типография, принадлежавшая В.А. Плавильщикову (бывшая «Типография Крылова с товарищи», с 1797 года именовавшаяся Типографией Губернского правления, а в 1804-м снова сменившая название вследствие заключения контракта с Театральной дирекцией). За ней было закреплено право печатания афиш и театральных билетов от имени Дирекции – так называемая афишная монополия (привилегия), сулившая типографщику верный доход от казенных заказов¹⁰⁵. Возможно, в заключении столь выгодного договора своему давнему партнеру поспособствовал Дмитревский. Однако с начала 1807 года, еще до истечения четырехлетнего контракта с Плавильщиковым, Дирекция передала право быть держателем афишной монополии, а с ним и право использовать название Императорского театра типографскому предприятию Оленина, Крылова и Рыкалова¹⁰⁶. Соответствующий контракт был заключен 26 октября 1806 года¹⁰⁷; со стороны типографии его подписал А.И. Ермолаев, поручителем за него перед Дирекцией выступил Оленин¹⁰⁸.

Размежевание с Плавильщиковым произошло, по-видимому, мирно. Любопытно, что уже весной 1807 года в Типографии Императорского театра увидела свет трагедия В.А. Озерова «Дмитрий Донской». При этом книга была полностью напечатана шрифтами Театральной типографии, и лишь на титульном листе, набранном другим шрифтом, стояло указание на Типографию Императорского театра¹⁰⁹. По-видимому, Оленин, Крылов и Рыкалов для своего издательского дебюта выкупили у Плавильщикова почти готовую книгу.

Фактическим управляющим Типографией Императорского театра с самого ее открытия стал энергичный и предприимчивый Рыкалов. Так, именно с ним в марте 1807 года вел переговоры С.П. Жихарев, желавший напечатать свою поэму «Октябрьская ночь, или Барды».

В дневнике он записал разговор, свидетельствовавший как о профессионализме Рыкалова, так и о том, что Типография Императорского театра поначалу была несколько стеснена в средствах: «Договорившись в цене за набор, печать и бумагу, я отдал ему свой манускрипт и просил поручить корректуру хорошему корректору. “Вот этим я уже не могу служить вам, – сказал мне Василий Федотович, – корректор у меня для первых оттисков есть, но хорошим его назвать не могу: последнюю корректуру потрудитесь держать сами; хорошие корректоры у нас в Петербурге – редкость”. Это меня удивило; я объяснил Рыкалову, что у нас, в Москве, во всех типографиях есть корректоры отличные <...> “Дело другое, – продолжал Рыкалов, – в Москве университет и множество студентов и грамотных людей, не имеющих занятий: они рады работать почти за ничто. <...> здесь, батюшка, грамотными людьми без денег не очень разживешься, и кто будет считать на дешевизну труда другого, тот очень ошибется в своих расчетах”»¹¹⁰.

В издательской деятельности Типографии Императорского театра важное место занимали книги, соответствовавшие интересам ее совладельцев. Прежде всего это были театральные новинки, в том числе произведения Шаховского, Озерова, М.В. Крюковского, Н.И. Ильина, а также сочинения по русской истории и антиковедению. При этом пайщики, в отличие от «Типографии Крылова с товарищи», не были связаны требованием печатать свои произведения только в собственной типографии. В частности, Крылов выпустил первое издание «Модной лавки» (в начале 1807 года) в Театральной типографии Плавильщикова, а первое издание комедии «Урок дочкам» (во второй половине того же года) – у себя в Типографии Императорского театра. Примечательно, что в течение всех тех лет, когда он оставался совладельцем типографии, он не доверял ей печатание своих басен отдельным изданием. Очевидно, оборудование Типографии Императорского театра, приобретенное в расчете прежде всего на печатание афиш, объявлений и билетов, не позволяло выпускать книги такого качества, которое требовалось для коммерческого успеха.

Впрочем, в 1808 году басни Крылова неоднократно появлялись на страницах журнала «Драматический вестник», который печатался в Типографии Императорского театра. Редактором журнала был А.А. Шаховской, однако именно типография (в лице Рыкалова) несла все издержки и имела право на получение всей прибыли от этого издания¹¹¹. Несмотря на замечательный состав авторов (Шаховской, Крылов, Оленин, Державин, Дмитриевский, Н.И. Гнедич, С.Н. Марин и др.) и наличие прибавлений более широкой тематики, «Драматический вестник» просуществовал менее года; вместо 104 номеров (по 2 номера в неделю) вышло только 93. Подписная цена журнала со-

ставляла 12 рублей в год; количество подписчиков неизвестно, но едва ли оно было велико. Скорее всего, журнал не только не принес типографии и ее совладельцам прибыли, но даже не окупил вложенные в него средства, что и явилось одной из причин его прекращения — наряду с нехваткой материалов и серьезными эстетическими разногласиями между сотрудниками¹¹².

Финансовая документация Типографии Императорского театра не сохранилась; тем не менее все исследователи, касавшиеся ее деятельности, сходятся во мнении, что, невзирая на отдельные неудачи, предприятие было доходным. Основу его процветания неизменно составляла афишная монополия. В 1811 году Рыкалов, сделавшийся с 1809 года официальным содержателем типографии, предложил идею платной подписки на афиши и, по соглашению с Театральной дирекцией, взял эту подписку на откуп, тем самым увеличив доходы, получаемые типографией от афишной монополии¹¹³.

Новый период в истории Типографии Императорского театра был связан с именем А.Ф. Похорского¹¹⁴, который после смерти Рыкалова в начале 1813 года сделался ее официальным содержателем и, вероятно, совладельцем. Под его руководством типография успешно проработала до 1824 года. К тому времени, по предположению В.В. Захарова, в ней было 5 или 6 печатных станков и трудились не менее 25 рабочих¹¹⁵.

Имена Оленина и Крылова в последний раз встречаются в документах, связанных с Типографией Императорского театра, в 1815 году. Вероятно, в том же или следующем году они вышли из дела. Со стороны Оленина это было, скорее всего, вынужденное решение — в 1815 году он оказался на грани разорения¹¹⁶ и в такой ситуации мог продать свою долю в компании Похорскому. Не исключено, что тогда же, чтобы полностью сосредоточить собственность в своих руках, тот выкупил и крыловский пай¹¹⁷.

О высокой степени доверия, которое Оленин питал к Крылову, убедительнее всего свидетельствует коммерческое партнерство, заключенное между ними в первый же год пребывания баснописца в Петербурге. Этому не помешала даже репутация игрока, которая к тому времени за ним закрепилась. Крылов быстро вошел в ближайший семейно-дружеский круг Олениных¹¹⁸, и это открыло перед ним новую жизненную перспективу.

В отношениях Крылова с Олениным реализовался тот же сценарий дружбы-покровительства, что и ранее в отношениях с Голицыным. В обоих случаях он становился другом дома, сближаясь не только с самим хозяином, но и с остальными членами семьи. Примечательно сходство атмосферы двух домов. Оленины, как и Голицыны, жили на широкую ногу, у них всегда было многолюдно, дом наполняли дети и

воспитанники, приживалы, домохозяева и гости. Просвещенный хозяин и любезная хозяйка поддерживали интеллектуальные и культурные интересы домашнего общества. В обеих семьях любили веселиться, практиковали домашние спектакли, а у Олениных особенно привечали литераторов, ученых и художников. Что немаловажно, и Оленины, и Голицыны культивировали патриотический настрой, близкий Крылову. При этом хозяин дома в обоих случаях обладал широкими возможностями для оказания покровительства по службе. Оленин, как до него Голицын, фактически гарантировал, что служебные обязанности не будут ни утомительными, ни унижительными для поэта, и Крылов, видевший в службе не более чем стабильный источник дохода, снова решился стать чиновником.

Подходящее место нашлось в Санкт-Петербургском Монетном департаменте, которым управлял брат жены Оленина, А.М. Полторацкий. Крылов поступил туда 6 октября 1808 года. Кроме того, Оленину удалось то, чего ранее не смог добиться Голицын – уже 31 декабря того же года 40-летний Крылов, минуя чин коллежского секретаря, сразу стал титулярным советником. Таким образом, ему удалось хотя бы отчасти наверстать отставание в карьере от своих сверстников. Однако служба по-прежнему не относилась к числу приоритетов Крылова. О характере его должностных обязанностей в Монетном департаменте ничего не известно; списки чинов департамента, включенные в Адрес-календарь, не содержат его имени. Возможно, служба была чисто номинальной и даже не требовала присутствия в Петербурге. Во всяком случае, к концу 1809 года относится свидетельство Н.И. Гнедича о том, что Крылов как ни в чем не бывало продолжал совершать «карточные путешествия» в провинцию¹¹⁹.

Карты, по-видимому, все еще оставались для него незаменимым источником средств к существованию. Крылов, несмотря на свою растущую популярность как автора блистательных комедий и басен, явно продолжал нуждаться в деньгах. Образ жизни преуспевающего столичного литератора требовал расходов, в том числе на аренду достойной квартиры, между тем жизнь в Петербурге в конце 1800-х годов дорожала стремительнее, чем когда-либо. С 1806 по 1808 год основное платежное средство – ассигнационный рубль – обесценился на 27%, за год с 1808 по 1809-й упал сразу на 17%, а за следующий год – еще более чем на 25%. В это время основные доходы Крылова складывались из фиксированного жалованья по службе и того, что он получал в качестве совладельца типографии. Первое отдельное издание басен, которое он выпустил за свой счет в феврале 1809 года, имело успех; его продажа несомненно не только компенсировала автору затраты,

но и принесла некоторые средства. Однако прежде чем появились два следующих издания, прошло почти три года.

Как ни странно, в момент подготовки этих изданий, которые также должны были печататься за счет автора, Крылов сознательно пошел на уменьшение собственных доходов, вновь оставив службу. 30 сентября 1810 года он «по прошению» был уволен из Монетного департамента. Это нелогичное на первый взгляд решение могло быть связано с готовившейся реорганизацией Императорской библиотеки¹²⁰. 14 октября 1810 года высочайше утверждается ее новый штат, подготовленный Олениным: занимая с 1809 года должность помощника главного директора библиотеки, он по сути руководил этим учреждением и, в частности, подбирал сотрудников. Возможно, он еще на стадии разработки штата имел намерение пригласить Крылова на службу в библиотеку, однако в 1810 году сделать это не удалось; подходящая вакансия открылась лишь полтора года спустя.

7 января 1812 года Крылов был назначен помощником библиотекаря с годовым окладом 900 рублей. В представлении министру просвещения А.К. Разумовскому Оленин, характеризуя будущего сотрудника, писал, что тот «известными талантами и отличными в Российской словесности познаниями может быть весьма полезным для Библиотеки»¹²¹. Таким образом, литературная репутация Крылова к этому времени уже могла служить аргументом при приеме на службу.

Еще в 1810 году, при разработке штата, руководство библиотеки сознавало, что жалование сотрудников заведомо будет недостаточным, в связи с чем им было разрешено совмещать исполнение своих должностных обязанностей со службой в других местах¹²². Так поступал, к примеру, помощник библиотекаря Н.И. Гнедич, который наряду с библиотекой продолжал служить в Департаменте народного просвещения. Понимая, что Крылов с его непреодолимой неприязнью к любому принуждению наверняка не воспользуется такой возможностью, Оленин нашел другой способ материально поддержать его. Уже через месяц после поступления в библиотеку, 10 февраля 1812 года, Крылову из средств Кабинета его величества назначается пенсия в 1500 рублей в год, в полтора раза превосходящий его жалование.

В рамках жизненной стратегии Крылова служба в Публичной библиотеке стала уникальным шансом, позволившим сочетать независимость и достоинство литератора с социально нормативной карьерой — чинами, орденами и т. п., которые обеспечивали их обладателю достойное место в столичном обществе. Предыдущие попытки найти такой же баланс, предпринимавшиеся при поддержке Голицына и того же Оленина (место секретаря при генерал-губернаторе и место в Монетном департаменте), не удались, поскольку были связаны со

случайными должностями, обязанности по которым были лишены творческой составляющей. Напротив, служебные занятия в Публичной библиотеке были для Крылова и интересны, и необременительны. Именно поэтому он, никогда не задерживавшийся на одном месте более чем на четыре года, прослужил в Библиотеке без малого 29 лет¹²³.

Эта служба при постоянной поддержке Оленина наконец принесла Крылову бытовую устроенность и материальную обеспеченность. Переломным в этом отношении для него стал 1816 год. Если в феврале, посылая брату 200 рублей, он еще пишет, что «находится в хлопотах и нуждается», то в конце марта, отправляя еще 150 рублей, уже сообщает, что «надеется поправить свои обстоятельства», и даже спрашивает, какая сумма нужна для того, чтобы вывести брата из бедственного положения¹²⁴. В самом деле, обстоятельства Крылова в это время решительно изменяются к лучшему: 23 марта 47-летний баснописец получает должность библиотекаря, с соответствующим повышением жалованья до 1200 рублей в год, а в июне¹²⁵ вселяется в казенную квартиру на втором этаже жилого дома Публичной библиотеки. Это избавило его от важнейшей статьи расходов (аренды и отопления жилья), позволило отказаться от азартной игры и связанных с ней разъездов, а также дало возможность сформировать тот образ жизни, который впоследствии станет неотъемлемой частью крыловского мифа.

В последующую четверть века Крылов неизменно вел жизнь человека «хорошего тона» — посещал клуб, званые обеды, концерты, театр, был желанным гостем не только в аристократических гостиных, но и при дворе. При этом в быту он был весьма скромнен. Живя холостяком, довольствовался незатейливой стряпней кухарки и никого не приглашал к обеду, годами не обновлял обстановку в своей квартире, нанимал прислугу из простых женщин и стал держать экипаж только тогда, когда этого настоятельно потребовало его здоровье. Заказывал одежду и белье из хороших тканей, в которых знал толк¹²⁶, так что даже при его легендарной неопрятности все это должно было носиться долго. Служа в библиотеке, Крылов не имел необходимости в покупке книг, а из дорогих товаров потреблял только кофе, «сигарки», от 35 до 50 штук в день¹²⁷, иногда покупал устрицы.

Современникам запомнилось лишь несколько крупных трат Крылова в период его службы в Публичной библиотеке. По-видимому, они совпадали с получением им больших средств. Один раз он роскошно обставил свою квартиру, купил модную дорогую мебель, ковры, фарфоровую и хрустальную посуду и столовое серебро¹²⁸. В другой раз поэт потратился на приобретение картин и гравюр; зная его художественный вкус, можно не сомневаться, что это была коллекция высококлассных

и потому недешевых художественных произведений. Однако мало-помалу они исчезли из квартиры Крылова — вероятно, были проданы баснописцем¹²⁹. Наконец, еще одна дорогостоящая причуда — покупка большого количества тропических растений в кадках, которыми он заставил всю квартиру, — закончилась быстрой гибелью этого «эдема» без надлежащего ухода¹³⁰. Все это было возможно только при условии, что доходы баснописца существенно преобладали над расходами.

Скорее всего, накопление капитала на старость стало для него важной задачей. Нет оснований говорить о скупости Крылова, однако он по большей части был весьма бережлив. Об этом свидетельствует и ведение им подробных расходных книжек¹³¹, и то, что он избегал участия в публичной благотворительности. «Не делавший умышленно зла, честный в высокой степени, не чуждый даже тайных благодеяний и, в полном смысле слова, добрый человек», Крылов жил «только по расчетам холодного ума», утверждал Лобанов и продолжал: «Его не так-то легко было подвинуть на одолжение или на помощь ближнему. Он всячески отклонялся от соучастия в судьбе того или другого. Всем желал счастья и добра, но в нем не было горячих порывов, чтобы доставить их своему ближнему»¹³².

По-видимому, «тайные благодеяния» Крылова распространялись лишь на людей, хорошо ему известных, таких, в чьих моральных качествах и действительно тяжелом положении он не сомневался. Так, мало кому при жизни баснописца было известно, что он много лет посылал деньги брату — полунищему гарнизонному офицеру. Эта помощь прекратилась в 1824 году, когда Лев Андреевич скончался. Пострадавшему от наводнения семейству А.Ф. Оом (урожденной Фурман, бывшей воспитанницы Олениных), Крылов в том же году подарил мебель красного дерева¹³³. Известно также о его участии в 1835 году в сборе средств для сооружения памятника на могиле Н.И. Гнедича¹³⁴. Несомненно, он поддерживал в материальном отношении семью своей дочери А.П. Савельевой, однако это была, очевидно, одна из самых «засекреченных» статей его расходов. Само существование внебрачной дочери он тщательно скрывал.

8

Поступление на службу в Публичную библиотеку практически совпало со взлетом популярности Крылова — уже не как драматурга, но как автора басен.

С юности он строил свою писательскую карьеру, стремясь прежде всего к тому, чтобы, выделившись из общей массы литераторов,

занять уникальную нишу. Для него это не было только вопросом личных амбиций; литературный успех он, по-видимому, связывал с основной своей жизненной стратегией, направленной на то, чтобы, несмотря на скромное происхождение и бедность, добиться общественного положения, которое было бы достойно его таланта. Более двадцати лет главным предметом его стремлений был театр и карьера драматурга. Даже на время оказавшись вне литературы, Крылов продолжал совершенствовать свое мастерство, так что его возвращение в Петербург обернулось во второй половине 1800-х годов театральным триумфом. Успех «Модной лавки», «Урока дочкам» и «Ильи Богатыря» сулил их автору дальнейшее развитие карьеры драматурга, однако именно в это время Крылов уже активно пишет и печатает басни. По-видимому, 1807–1808 гг. можно считать временем выбора, когда перед ним лежали два равнозначных пути. На первом, традиционном, ему предстояло конкурировать с целой плеядой одаренных комедиографов – Шаховским, Плавильщиковым, А.Я. Княжнинным, Н.Р. Судовниковым, Ф.Ф. Кокошкиным и пр. Другой путь открывал перед ним возможность не просто занять уже существующую литературную нишу, а фактически создать ее и стать тем, на что не претендовал до него еще ни один из русских литераторов, – стать только и исключительно баснописцем.

Сделанный им выбор имел и свою рыночную проекцию: басни Крылова быстро превратились в ходкий литературный товар, привлекательный как для читателей, так и для издателей и книгопродавцев. Задачу продвижения этого товара Крылов решал блестяще. Публикуя свои басни в журналах, артистически читая их в столичных обществах, в том числе в высшем свете и при дворе¹³⁵, он готовил почву для успеха отдельных изданий. Примечательно, что Крылов никогда не смешивал басни с произведениями других жанров. Его комедии издавались и переиздавались отдельно, прозу и стихотворения он при жизни переиздания не удостоил – зато басни неизменно выходили особыми сборниками, а после 1816 года он вообще перестал выпускать отдельными изданиями что-либо, кроме басен.

Его публикаторская стратегия заслуживает особого внимания. По сути, Крылов стал первым русским писателем, создавшим «литературный бренд». До «Басен Ивана Крылова» (1809) в истории русской книги еще не было отдельного издания басен¹³⁶ со столь лапидарным названием и четкой привязкой к имени автора. Так, Дмитриев, готовя свои «Сочинения и переводы» в трех частях (М., 1803, 1805), не счел нужным свести басни в единый корпус, а распределил их по разным частям издания. На этом фоне компактное собрание двадцати трех басен Крылова выглядело особенно энергично и свежо, не только за-

крепляя самодостаточность басни как жанра, но и прочно связывая этот жанр с именем определенного автора¹³⁷. Особенно сильно такой смелый ход задел Дмитриева, которому в описываемое время безраздельно принадлежал титул «русского Лафонтена»¹³⁸. В ответ он не только немедленно вслед за крыловскими баснями выпустил свои с аналогичным названием – «Басни Ивана Дмитриева» (СПб., 1810), но и снабдил свое имя, впервые приведенное на титульном листе полностью, перечислением всех имевшихся у него ученых званий, вплоть до почетного членства в Императорском обществе испытателей природы, а также предварил книгу посвящениями сразу обеим императрицам. Однако это уже не могло изменить ситуацию; Дмитриев к тому времени уже практически перестал сочинять басни, тогда как Крылов ежегодно публиковал в журналах все новые и новые произведения в этом жанре.

Решающим в судьбе Крылова-баснописца стал 1812 год. Его басни «Волк на псарне» и «Ворона и курица», увидевшие свет почти одновременно с «Певцом во стане русских воинов» В.А. Жуковского, вместе с ним обрели статус литературных символов Отечественной войны. В конце ноября – начале декабря 1812 года, на фоне ежедневных сообщений о беспорядочном бегстве французских войск и очередных победах русского оружия, Оленин ходатайствовал перед императором о печатании «нового и тщательного» издания басен Крылова «на счет Кабинета его величества в пользу сочинителя». Было задумано роскошное иллюстрированное издание, которое предполагалось выпустить увеличенным тиражом – 2 тыс. экземпляров; соответствующие средства были отпущены в распоряжение самого автора в марте 1813 года¹³⁹.

Какой доход Крылов получил от продажи этого издания, комиссионерам неизвестно; важнее, однако, что после 1812 года он никогда уже больше не имел необходимости вкладывать в издание басен собственные деньги: все последующие собрания либо финансируются издателями – Похорским, а затем Смирдиным¹⁴⁰, либо выходят за казенный счет. В первом случае он получал фиксированный гонорар; во втором – всю прибыль от издания за вычетом комиссии книгопродавцев.

Отношения с последними у Крылова, как и у других популярных авторов, складывались отнюдь не гладко¹⁴¹. Затянувшееся ожидание появления следующего издания полюбившихся публике басен летом 1814 года навело петербургских книгопродавцев на мысль заработать на продаже комплекта из двух книг 1811 года («Новые басни» и «второе тиснение» книги басен 1809 года), выдав их за некое несуществующее издание, в газетном объявлении названное «Новыми баснями

г. Крылова». Показательно, что за якобы новые произведения известного автора торговцы рассчитывали выручить вчетверо больше, чем за уже знакомые публике издания (10 рублей против 2,5 руб. за комплект из двух книг). Это вызвало резкую отповедь Крылова, который в специальном печатном сообщении назвал происходящее «подлогом» со стороны «корыстолюбивых книгопродавцев»¹⁴². Коммерческие махинации вокруг его имени возмутили баснописца, в частности, еще и потому, что подрывали доверие к настоящему новому изданию, которое готовилось в это время.

«Басни Ивана Крылова в трех частях», увидевшие свет на рубеже 1815–1816 годов, представляли собой первый опыт сведения Крыловым своих басен в единый корпус. Это в еще большей степени, чем название, указывало на авторитетный прототип – Лафонтена, чьи басни вошли в историю литературы сразу в виде целостного корпуса. Учитывая статус Лафонтена как классика французской национальной литературы, подобный символический жест Крылова, очевидно, представлял собой прямую заявку на аналогичный статус для литературы русской. Напомним, что в 1811 году он был избран членом Российской академии, что означало формальное признание значимости его творчества со стороны литературского сообщества и просвещенных любителей.

Тем не менее Крылов еще некоторое время продолжал выпускать новые басни отдельными небольшими сборниками. Две книги, служившие продолжением издания в трех частях, увидели свет следом за ним¹⁴³, а в январе 1817 года появились «Три новые басни И.А. Крылова, читанные в торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки января 2 дня сего года». Примечательно, что к этим изданиям уже прилагался портрет автора. В дальнейшем тот или иной портрет Крылова стал неизменной принадлежностью всех его прижизненных изданий, тем самым подчеркивая высокий культурный статус баснописца в глазах его читателей¹⁴⁴.

Материальное положение Крылова в эти годы постепенно улучшалось. Весной 1817 года он смог позволить себе вступить в Английский клуб, что было сопряжено с уплатой ежегодного членского взноса, составлявшего в тот момент 110 рублей¹⁴⁵. Одновременно он оказывал ощутимую помощь брату. Так, в феврале и ноябре 1817 года он послал Льву Андреевичу 150 и 250 рублей соответственно, а в мае следующего – еще 250 рублей, что позволило тому даже приобрести небольшой хутор. Однако издания басен все еще приносили довольно умеренный и, главное, нерегулярный доход, так что в письме брату от 11 сентября 1818 года Крылов жаловался на безденежье и петербургскую дороговизну¹⁴⁶.

В феврале 1819 года Крылову исполнилось 50 лет. Очевидно, воспринимая эту дату как важный рубеж в своей жизни, он выпустил обновленный корпус басен. «Басни И.А. Крылова в 6 частях» вышли двумя небольшими томиками, снова «иждивением содержания Театральной типографии Александра Похорского». Обращает на себя внимание беспрецедентный тираж — 6 тыс. экземпляров, впятеро больше стандартного для подобных книг. Только твердая уверенность в надежном сбыте басен Крылова могла подвигнуть Похорского вложить в это издание немалые собственные средства. Сумма, выплаченная им Крылову, к сожалению, неизвестна, но и она, несомненно, была увеличена пропорционально размеру тиража¹⁴⁷.

Корпус басен 1819 года сам баснописец представил читателю как итоговый. Об этом говорит сделанное от его имени объявление: «Автор, желая сим новым и последним изданием заключить достославное поприще свое в сем роде поэзии, собрал все свои басни, со времени последнего издания им сочиненные, как манускриптами у него находящиеся, так и в разных повременных листках отпечатанные»¹⁴⁸. Со своей стороны, издатель, отмечая, что «для многих бездостаточных людей среднего состояния» предыдущее, роскошное, издание стоило слишком дорого, и заботясь о доступности новой книги «для всякого класса людей и возраста, а наипаче для русского юношества», «положил за все шесть частей <...> самую умеренную цену» — 10 рублей за экземпляр на белой бумаге¹⁴⁹.

Крылов, однако, свою литературную деятельность отнюдь не завершил. Напротив, вскоре он начал готовить следующее обновленное издание. Заботясь о поддержании в публике интереса к нему, он стал гораздо реже публиковать новые басни в периодике и стремился избежать перепечаток текстов, которые увидели свет ранее. С этим связано его обращение в Санкт-Петербургский цензурный комитет в сентябре 1821 года с просьбой запретить составителям разного рода литературных сборников включать в них его басни. Такие действия посторонних лиц «могут лишить меня плода от моей собственности», — писал он¹⁵⁰.

В дальнейшем все издания басен Крылова были исключительно изданиями полного их корпуса, прирастающего со временем. Уже в следующем издании 1826 года Крылов отказался от внутреннего деления на части и перешел к термину «книги», чем окончательно уподобил собрание своих басен аналогичному собранию Лафонтена. Так корпус басен Крылова обрел свою классическую форму. Изменения касались лишь числа книг, которое в итоге достигло девяти.

Одновременно продолжался рост тиражей. Издание 1826 года было выпущено тиражом 10 тыс. экземпляров, а в 1830 году Крылов

заключил свой знаменитый контракт с А.Ф. Смирдиным, уступив ему за 40 тыс. рублей исключительные права на выпуск полного корпуса басен (в восьми книгах) в течение десяти лет общим тиражом 40 тыс. экземпляров. Эта невиданная в отечественной книгоиздательской практике сделка свидетельствовала об уверенности обеих сторон — и автора, и издателя — в том, что спрос на басни Крылова и впредь останется высоким.

Баснописец, которому перевалило за шестьдесят, скорее всего, полагал, что таким образом завершает свое литературное поприще. В 1830-е годы его творческая активность действительно пошла на спад: он написал только десять басен, причем последнюю — в 1834 году. Объяснение этому явлению можно найти в коммерческой стратегии Крылова. Рассматривая корпус басен как своего рода аналог имения, он достиг состояния равновесия, когда приносимый ими доход стал, с его точки зрения, вполне достаточным, причем для его поддержания не требовалось никаких экстраординарных усилий, в том числе творческих. В дальнейшем Крылов управлял своим «имением» как рачительный и экономный хозяин, но со второй половины 1830-х литературные доходы в его бюджете были окончательно оттеснены государственными выплатами на второй план.

9

В надежном достатке прошла лишь последняя четверть жизни Крылова. По подсчету Лобанова, к 1832 году он «составил изданиями своих басен до 100 000 рублей»¹⁵¹. Даже если эта цифра преувеличена, сам факт финансового успеха баснописца не подлежит сомнению. Но несмотря на то что соглашение со Смирдиным принесло Крылову крупнейший в его жизни литературный заработок, основу его материального благополучия все же составляли жалованье и, в еще большей степени, государственные пенсии.

Об увеличении этого рода доходов баснописца неустанно пекся его друг и начальник А.Н. Оленин. В 1820 году он смог добиться удвоения суммы пенсионера, назначенного Крылову в 1812 году. 2 марта 1820 года, одновременно с представлением группы сотрудников библиотеки, включая Крылова, к награждению орденами за составление каталога, Оленин направил министру просвещения А.Н. Голицыну личное письмо с просьбой, помимо служебной награды, выхлопотать баснописцу и «вещественнейшее награждение». «Иван Андреевич Крылов, смело в том Вас могу уверить, сиятельный князь, по долговременному опыту, есть самый честный, добрый и

благомыслящий человек», — подчеркивал директор библиотеки и для вящей убедительности представил «русского Лафонтена» в расхожем образе поэта-простака, не пекущегося о завтрашнем дне: «...по беспечности, принадлежащей особенно поэтам его именно рода, он беден как Лафонтен <...> И наш собственный Иван, будучи в этом самом положении, содержит еще брата своего родного, подобного ему бедняка!»¹⁵² Кроме того, в качестве прецедента Оленин ссылался на аналогичные милости, ранее оказанные другим неимущим литераторам — А.П. Буниной и В.А. Жуковскому¹⁵³. Императорский указ Кабинету от 27 марта 1820 года об увеличении Крылову ежегодного государственного пособия с 1500 до 3 тыс. рублей, впрочем, не содержал упоминаний о литературных заслугах. Формально это было поощрение «в воздаяние засвидетельствованной начальством усердной и похвальной службы»¹⁵⁴.

Однако на этом рост постоянных доходов Крылова надолго прекратился. Предпринятая в январе 1827 года попытка Оленина обеспечить дополнительный пенсион в размере жалованья всем сотрудникам Публичной библиотеки, прослужившим в ней не менее 15 лет, и в том числе Крылову, не увенчалась успехом¹⁵⁵. Только четыре года спустя Оленин сумел добиться общего повышения окладов своих подчиненных. В соответствии с утвержденным 10 сентября 1831 года новым штатом библиотеки жалованье Крылова возросло до 2700 рублей¹⁵⁶.

В декабре того же года Оленин попробовал выхлопотать Крылову сверх жалованья персональную материальную помощь под предлогом необходимости «найма коляски, фаетона или по крайней мере дрожек». Понимая, очевидно, что после недавнего повышения штатных окладов по библиотеке его собственное ходатайство как директора этого учреждения будет не вполне корректным, он обратился с личным письмом к министру финансов Е.Ф. Канкрину. Зная его расположение к Крылову, он с неподдельной тревогой объяснял: «В нынешнем году давнишний его недуг (удручение мокротою) по немолодым его летам приметно усиливается, так, что причиняет ему сильную одышку. Отсюда ходьба пешком становится для него затруднительною; а состояние беспечного по природе поэта весьма недостаточно чтобы содержать и самый незатейливый экипаж» и заключал: «Вследствие сего всемилостивейшее ему пожалование вприбавок к окладу и пенсии до двух тысяч рублей в год от щедрот монарших могло бы продлить дни человека, известного во всей Европе принесением столь необыкновенной и достойной славы Русской словесности»¹⁵⁷. Красноречивое ходатайство, однако, не возымело успеха: высокий культурный статус баснописца в тот момент, по-видимому, еще не давал ему права на особые государственные выплаты.

Однако уже в эти годы интенсивно вызревал ценностный комплекс, которому вскоре предстояло стать основой официальной идеологии николаевского царствования. Предыдущая попытка идеологического конструирования, предпринятая во второй половине 1810-х годов на основе метафизического наднационального легитимизма, обнаружила свою несостоятельность. Потрясение 14 декабря вывело на первый план принципиально новую политическую задачу – охватить общими идеологическими представлениями максимально широкие слои населения, прежде всего грамотного. Наконец, обострение противостояния с Западом в 1830–1831 годы впервые после Отечественной войны 1812 года предъявило запрос на идеологию, которая бы четко обособляла Россию и убедительно обосновывала ее превосходство.

Между тем еще на рубеже 1800–1810-х годов в басенном творчестве Крылова была сформирована концепция русского национального характера, находившаяся в русле идейных и художественных поисков кружка Оленина, и прежде всего выработанного там понятия национальности¹⁵⁸. Однако в эпоху официального мистицизма этот идейный комплекс оставался невостребованным на уровне государственной идеологии. Характерно, что весной 1824 года, прося Александра I пожаловать Крылову солидную сумму на издание басен, Оленин вообще не упоминает о народности его творчества и подчеркивает лишь, что баснописец «был всегда тверд в образе своих мыслей о необходимости и пользе чистой нравственности и отвращении <...> от вольнодумства, что доказывается всеми его баснями и негодованием, за то ему изъявленным в недавнем времени парижским журналом»¹⁵⁹.

В начале 1830-х годов, когда во главу угла выдвинулась прагматика национального характера и потребность в социальной дидактике, басни Крылова стали подлинной находкой. К этому времени они уже были в ходе литературных дискуссий признаны наиболее удачным художественным воплощением народности¹⁶⁰. Кроме того, ярко выраженная в них идея искоренения зол и недостатков при помощи исправления нравов, не затрагивающего основ общества, приобрела значение патриархальной альтернативы вредоносному революционному духу. Как следствие, государственная идеология востребовала творчество Крылова в качестве инструмента для воспитания и наставления в консервативном духе всего народа, от дворянских отпрысков до грамотных простолюдинов. Сам же баснописец неожиданно оказался фигурой, идеально подходящей для «огосударствления» – уникального феномена апроприации государством творчества, литературной репутации, а заодно и личности писателя.

Все это оказалось для Крылова невероятной личной удачей. Отныне у него не было оснований, как в молодости, сетовать на счастье,

которое на всяком шагу старается «запнуть» его. Напротив, мощные идеологические процессы, протекавшие в обществе, независимо от его воли обернулись в его пользу.

В течение 1830 года Крылов в результате серии символических актов превратился из одного из признанных русских литераторов в живого классика, заняв в общественном сознании исключительное положение, аналогов которому не знала русская культура. В апреле был заключен невиданный контракт со Смирдиным. В декабре Крылов, не имевший университетского образования, «в изъятие из правил» был пожалован в статские советники (генеральский чин). Основанием послужило его членство в Российской академии и то обстоятельство, что он «давно уже известен любителям отечественной словесности, в особенности же своими баснями, снискавшими ему отличную славу не только в России, но и в чужих краях»¹⁶¹. Тогда же император Николай I преподнес двенадцатилетнему наследнику престола на новый 1831 год бюст Крылова – по-видимому, в пару к подаренному двумя годами ранее бюсту Петра I¹⁶².

С этого времени все награждения Крылова производились исключительно на основании его литературных заслуг. Особенно интересно назначение ему весной 1834 года «сверх получаемых окладов добавочных» в размере 3 тыс. рублей ассигнациями. «Вы знаете, почтеннейший Сергей Семенович, – писал 25 февраля Оленин министру народного просвещения Уварову, снова, как и в 1820, и в 1831 году, апеллируя к литературной репутации своего подчиненного, – что беспечность составляет отличительную черту всех великих баснописцев, начиная от Эзопа до Лафонтена. К сей категории принадлежит, по всем правам, Иван Андреевич Крылов! Не заботясь о будущем, не запасался капиталом. Между тем настигают его и старость, и дряхлость. Но как все его теперь доходы основаны на одной Царской милости, т. е. на жаловании и пенсии <...>, то он и не может содержать летом коляски, а зимою возка и пару лошадей; экипажи, требуемые ростом его и тучностью! В сем тягостном для него положении одна только царская милость может облегчить его судьбу! Всемиловитейшее пожалование столовых денег даст ему возможность содержать необходимый теперь для него экипаж. Тогда знаменитый Русской Баснописец, прославляя милость и щедроту Русского Царя, стал бы ожидать спокойно волю Божию!»¹⁶³

Высочайшее повеление о назначении «добавочных» в сумме 3 тыс. рублей последовало уже 26 февраля. 9 марта, после переписки с министерством финансов, Уваров уведомил об этом Крылова собственноручным и очень любезным письмом¹⁶⁴. По-видимому, последнюю дату можно считать символической точкой прекращения

басенного творчества Крылова¹⁶⁵. Его гарантированный доход достиг 8,7 тыс. рублей в год — с этой цифрой не мог сравниться никакой литературный гонорар.

Установление Крылову персонального добавочного оклада шло вразрез со штатом Публичной библиотеки, который не предусматривал для должности библиотекаря никаких выплат сверх оклада — ни добавочного жалованья, ни «столовых денег». В отличие от пенсионера, получаемого из Кабинета, эти дополнительные 3 тыс. рублей, превышавшие его основное служебное жалованье, выплачивались Крылову непосредственно из государственного казначейства, то есть тем же порядком, как финансировалась Библиотека в целом. Фактически пожалование второго оклада «за отличные услуги, оказанные отечественной словесности»¹⁶⁶ означало превращение формулы «знаменитый русский баснописец» в квазислужебный статус, а самого Крылова — в признанное национальное достояние, с 1838 года получившее наименование «дедушка Крылов»¹⁶⁷.

По всей видимости, Крылов не сразу осознал эту перемену и некоторое время рассматривал происходящее как случайное счастливое стечение обстоятельств, торопясь извлечь из него максимальную пользу. Характерно, что сразу после назначения ему «добавочных» 3 тыс. рублей на экипаж он продолжал апеллировать к этой необходимости — теперь уже в отношениях с издателем.

Весной 1834 года¹⁶⁸ он настаивал, чтобы Смирдин выплатил ему повышенный гонорар за три новые басни, помещенные в только что начавшем выходить журнале «Библиотека для чтения» и в альманахе «Новоселье». «У него был договор со Смирдиным, в силу которого тот платил ему за каждую басню по 300 рублей: теперь он требует с него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги!»¹⁶⁹ — возмущался А.В. Никитенко. Упомянутый договор был, по-видимому, аналогичен действовавшему в то время соглашению между Смирдиным и Пушкиным, по условиям которого поэт получал по червонцу за стихотворную строчку. Басни Крылова «Лев и Мышь», «Разбойник и Извозчик» и «Крестьянин и Собака» состоят из 33, 26 и 30 строк соответственно — таким образом, баснописец, по «пушкинским» расценкам, действительно получил бы за каждую около 300 рублей. Понимая, что Смирдин не станет торговаться, когда речь идет о присутствии имени Крылова среди авторов нового журнала, баснописец оценил себя в полтора с лишним раза дороже Пушкина.

Особые отношения, которые установились между Крыловым и Смирдиным как между самым авторитетным русским литератором и самым авторитетным издателем, привели к тому, что с начала 1835 года Крылов официально стал ответственным редактором «Библиотеки

для чтения». Этому предшествовал громкий скандал, связанный с публикацией в декабрьском номере журнала за 1834 год стихотворения В. Гюго «Красавице» в переводе М.Д. Деларю, которое вызвало возмущение митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима. Переводчик «кошунственного» стихотворения был принудительно отправлен в отставку, а цензор журнала Никитенко, пропустивший текст в печать, на восемь дней помещен на гауптвахту¹⁷⁰. Эта ситуация активно обсуждалась в литературных кругах с сочувствием к Никитенко. Крылов, откликнувшись на нее ироническим двустишием «Мой друг, когда бы был ты бог...», в разговоре с Никитенко также выразил сожаление о его аресте¹⁷¹. Между тем тень нависла даже над издателем журнала А.Ф. Смирдиным. По версии событий, зафиксированной Пушкиным в его дневнике, митрополит обратился к государю, «прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина»¹⁷². В довершение буквально в те же дни проштрафился и тогдашний редактор «Библиотеки для чтения» Греч. 19 декабря 1834 года в «Северной пчеле», которую он также редактировал, появилась рецензия на петербургскую постановку оперы Дж. Мейербера «Роберт Дьявол», где упоминалось об изменениях, внесенных в ее оригинальное либретто. Изменения, как оказалось, были сделаны по распоряжению самого императора, и «его величество велел сказать ему за это, что еще один такой случай – и Греч будет выслан из столицы», – записал в своем дневнике Никитенко¹⁷³. Все эти неприятные инциденты в совокупности грозили серьезной опасностью «Библиотеке для чтения», которая могла разделить участь «Московского телеграфа», в апреле того же 1834 года запрещенного по политическим соображениям. Защищая журнал, Смирдин, очевидно, принял решение сменить ответственного редактора, пригласив на эту должность такого человека, само имя которого должно было успокоить правительство. Его выбор неслучайно пал на Крылова; главную роль здесь сыграла не столько его литературная известность и редакторский опыт, сколько безупречная политическая репутация «огосударственного» баснописца.

«Он жалуется на торговое направление нынешней литературы, хотя сам взял со Смирдина за редакцию “Библиотеки для чтения” девять тысяч рублей»¹⁷⁴. Правда, он не торгует своим талантом, ибо может быть уверенным, что он ничего не будет делать для журнала. Однако он пускает в ход свою славу: Смирдин дает ему деньги за одно его имя»¹⁷⁵, – записал Никитенко после того, как 9 февраля 1835 года нанес в качестве цензора «Библиотеки для чтения» визит Крылову как новому редактору журнала.

Столь выгодные для Крылова отношения с «Библиотекой для чтения» закончились менее чем через полгода. Свою миссию он вы-

полнил вполне успешно, однако помещенное в октябре 1835 года в журнале малозаметное сообщение глухо намекает на некий конфликт с О.И. Сенковским, реальным редактором журнала. За преувеличенно лестными выражениями здесь чувствуется насмешка, если не пренебрежение: «...мы совсем забыли одно обстоятельство, о котором давно следовало известить наших читателей: Еще с мая месяца “Библиотека для чтения” лишилась лестного руководства, которое принял было на себя знаменитый наш поэт И.А. Крылов. Преклонность лет не дозволила ему продолжать мучительных занятий редактора»¹⁷⁶. Крылов также не остался в долгу и вопреки своему обыкновению не давать оценок другим литераторам, так отзывался в обществе о Сенковском: «Умный! Да ум-то у него *дурацкий*»¹⁷⁷.

В конце 1840 года Крылов ощутил, что хлопотливая должность библиотекаря стала ему не по силам. Прослужив в Публичной библиотеке практически тридцать лет, он принял решение уйти в отставку. В материальном смысле оно было непростым: ему предстояло покинуть казенную квартиру с конюшней, сараями, погребом и дровами, которой он бесплатно пользовался с 1816 года. По расчету дирекции, он сэкономил таким образом 857 рублей 14²/₇ коп. в пересчете на серебро¹⁷⁸, что превышало половину его служебного жалованья, даже с учетом «прибавочных». Лишившись такой льготы и не имея в городе собственного жилья, Крылов оказывался перед необходимостью нанимать и содержать за собственный счет удобное для него жилище, которое позволяло бы к тому же разместить экипаж, лошадей и прислугу. Пенсии, назначенные ему в 1812 и 1820 году, в общей сложности давали 857 рублей 76 коп. серебром – сумму, практически совпадающую с предстоявшими расходами на квартиру; пенсия за выслугу лет, на которую он мог рассчитывать как отставной чиновник, в лучшем случае (если бы она исчислялась с учетом не только официального жалованья, но и «прибавочных») составила бы не более 1086 рублей 37 коп. серебром в год. Таким образом, общий бюджет баснописца, включавший стоимость бесплатной квартиры и отопления, при выходе в отставку должен был сократиться более чем на две трети.

Это заставило Крылова просить о дополнительном вспомоществовании. Он собственноручно подготовил для Оленина проект докладной записки министру просвещения об исходатайствовании ему в пожизненный пенсион полной суммы его содержания по библиотеке, включая жалованье, «прибавочные» и стоимость квартиры, что, по его расчету, должно было составить около 2600 рублей серебром в год¹⁷⁹.

Такое желание существенно противоречило установленному порядку назначения пенсий гражданским чиновникам. Учитывая боль-

шие перерывы в службе в молодые годы, Крылов удостоился Знака отличия беспорочной службы за XXX лет только в 1839 году. В соответствии с «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях» 1827 года, чиновнику, прослужившему более тридцати, но менее тридцати пяти лет, полагалось выплачивать в виде пенсии только две трети жалования. Назначение пенсий особым порядком — по личному усмотрению императора — предусматривалось только для «лиц, высшие звания отправляющих», включая министров и членов Государственного совета. Вместе с тем § 28 Устава гласил: «Само собою, впрочем, разумеется, что определение пенсий за особенные и отличные заслуги не ограничивается настоящими правилами и зависит от особенного высочайшего благоусмотрения»¹⁸⁰. Крылов и его высокопоставленные ходатаи имели основания рассчитывать на то, что для баснописца будет сделано именно такое исключение.

29 декабря 1840 года Оленин направил министру соответствующее представление, немного уточнив расчеты. Сумма, о которой он просил, составила 2485 рублей 71³/₇ коп. «Сими денежными окладами и пособиями, г. Крылов живет не нуждаясь и даже имеет экипаж, что, к нещастию, по слабости ног его сделался ему необходимым, — писал Оленин. — Г<осподин> Крылов был бы совершенно счастлив, если б помянутая сумма <...> была бы ему исходатайствована у Государя Императора в пожизненный пенсион, ибо сия именно составляет содержание его в Библиотеке, и тогда бы он, присовокупя к сему пенсию получаемую им из Кабинета, мог спокойно и беззаботно дожить остальные дни свои, которых вероятно на удел ему остается уже не много. — Вот что мне объяснил знаменитый наш Баснописец Иван Андреевич Крылов! Я не буду обременять Ваше Высокопревосходительство многословным ходатайством, скажу только, что здоровье г. Крылова очень расстроено и требует совершенного спокойствия. Он достоин особенного уважения за отличные его труды, известные всей почти Европе! Участь его зависит от благосклонного внимания Вашего Высокопревосходительства»¹⁸¹.

Между тем 2 февраля 1841 года, по официальной версии, исполнилось 60 лет с того момента, когда Крылов, еще подростком, впервые поступил на службу¹⁸². Доклад Уварова императору о назначении баснописцу пенсии был подан 14 февраля. Хотя по правилам при назначении пенсии в расчет принимался только срок непрерывной службы, министр счел нужным отметить, что общий стаж службы Крылова, за исключением времени, проведенного в отставке, равнялся 42 годам 10 месяцам, из них 29 лет — в Публичной библиотеке.

«Принимая в уважение долговременную службу статского советника Крылова, преклонные лета его и расстроенное здоровье, а также

отличные заслуги, оказанные им отечественной словесности, осмеливаюсь повергнуть на всемилостивейшее внимание Вашего Императорского Величества ходатайство директора Публичной библиотеки о производстве Крылову при отставке в пенсию из Государственного Казначейства по 2 486 р. 79 к. серебром в год, сверх получаемой им из Кабинета пенсии», — писал Уваров¹⁸³. На следующий день, 15 февраля 1841 года, Николай I наложил на этом докладе резолюцию: «Согласен не в пример другим». 1 марта Крылов был уволен от службы.

10

С выходом в отставку начался последний период жизни баснописца, продлившийся менее четырех лет. В это время Крылов смог конвертировать свой уникальный общественный статус в материальную независимость, которая принесла ему долгожданную свободу. При этом аристократические черты в его образе жизни, которые превалировали в прежние годы, ослабевали, и в том, как баснописец организовал свой быт, круг общения и в особенности коммерческие дела, явно проступила некая «третьесословность».

Уклад жизни Крылова в эти годы существенно изменился. Подобно многим состоятельным отставникам, он перебрался в более спокойную часть города, на Васильевский остров, наняв квартиру в доме купца Блинова на 1-й линии, рядом с Первым кадетским корпусом. Одновременно закончилось его одинокое существование: он поселился вместе с семьей своей дочери Александры, которую официально именовал крестницей. Только выйдя в отставку, Крылов перестал скрывать фактически родственные отношения с ней. Не стыдясь мещанских манер дочери и того, что ее муж К.С. Савельев был всего лишь писарем в унтер-офицерском звании¹⁸⁴, он не заботился о том, что подобные связи шокировали его старых знакомых¹⁸⁵. Для пятерых детей Савельевых Крылов стал дедушкой без всяких кавычек.

Неожиданно оказавшись главой многочисленного семейства, баснописец должен был снять более просторную квартиру, чем требовалось ему лично. Нет сомнений, что именно он оплачивал жилье в доме Блинова, поскольку его зять в то время получал мизерное жалованье — 120 руб. ассигнациями в год¹⁸⁶. Немало внимания он уделял и воспитанию своих внуков. По словам Плетнева, который общался с Крыловым в последний период его жизни, тот «в отшельнической жизни своей <...> нашел забаву, обучая детей грамоте и прослушивая их уроки музыки»¹⁸⁷. Очевидно, что деньги на приглашение учителя и на приобретение фортепиано также дал сам басно-

писец. При этом свой собственный бюджет он вел отдельно от семьи Савельевых. Скрупулезно учитывая ежедневный расход свеч и сигар, Крылов по-прежнему не скупился на немалый членский взнос в Английский клуб.

От привычки посещать клуб он не отказался, хотя отсутствие постоянного моста между Васильевским островом и Адмиралтейской частью города в некоторые сезоны делало сообщение затруднительным. Он также изредка бывал в театре, на концертах и в некоторых близких ему домах, в том числе у Олениных и графини С.В. Строгановой, и поддерживал отношения еще с несколькими пожилыми людьми, его давнишними светскими знакомыми, в том числе М.С. Щуплепниковым, некогда его товарищем по «Беседе любителей русского слова», и с Саввой Мих. Мартыновым — родовитым дворянином, богатым откупщиком, известным картежником, любителем словесности и меломаном, человеком далеко не однозначной репутации¹⁸⁸. Его самого время от времени навещали литераторы и сослуживцы по Публичной библиотеке. Наконец, к тогдашнему кругу общения Крылова следует прибавить духовника, настоятеля Никольского Морского собора протоиерея Тимофея Никольского — ученого-священника, члена Российской академии и Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры¹⁸⁹. Но особенно коротко он в эти годы сошелся с генерал-адъютантом Я.И. Ростовцевым — в прошлом литератором-любителем и, подобно самому Крылову, почетным вольным общником Академии художеств. По должности главного начальника Штаба военно-учебных заведений он проживал в здании Первого кадетского корпуса, то есть был соседом баснописца. Кроме того, Ростовцев был начальником и многолетним покровителем К.С. Савельева.

Отметим, что ни сомнительное родство, ни пренебрежение сословными предрассудками со стороны Крылова не повлияли на отношение двора к «огосударствленному» баснописцу. Более того, демонстрация взаимного уважения между императорской фамилией и самым авторитетным русским литератором в эти годы превратилась в ритуал. Крылов неизменно являлся ко двору на Святой неделе с пасхальным поздравлением и получал ответный подарок. Когда однажды престарелый поэт нарушил заведенный порядок, императрица Александра Федоровна забеспокоилась. А.И. Философов, воспитатель ее младших сыновей, по ее поручению написал Крылову: «Отложенное вам яйцо ждет вас с первого дня Пасхи», и добавил, что императрица «желает, чтобы вы за ним приехали, естли только силы ваши вам это дозволят»¹⁹⁰.

Между тем в 1843 году Крылов приступил к завершающим делам своей жизни. Прежде всего он занялся подготовкой нового собра-

ния басен¹⁹¹. Весной 1840 года контракт со Смирдиным истек, и уже к началу следующего года «в книжной торговле», по свидетельству П.П. Каменского, нельзя было найти отдельных изданий его произведений¹⁹². В коммерческом успехе будущих «Басен И.А. Крылова в девяти книгах» можно было не сомневаться. Тем не менее поэт не стал заключать договор с посторонним издателем, а предпочел, как в прежние времена, выпустить басни в свет собственными силами. Вероятнее всего, причиной тому стало желание в максимальной степени воспользоваться выгодами, которые давала его невиданная популярность.

Благодаря знакомству с Ростовцевым к услугам Крылова была Типография военно-учебных заведений, но для покрытия типографских расходов ему все-таки пришлось снять со своего банковского счета значительную сумму – 2963 руб. 25 коп. серебром¹⁹³. Издание вышло в свет 8 декабря 1843 года¹⁹⁴. Обращает на себя внимание цифра тиража – 12 тыс. экземпляров, превосходящая все единовременно выпускавшиеся когда-либо ранее тиражи. Однако спустя почти год в завещании Крылова, довольно подробно описывающем его имущество, упоминания об этих книгах не окажется¹⁹⁵: видимо, к тому времени практически все уже было закуплено книгопродавцами. Несколько сотен экземпляров были, по предсмертному поручению баснописца, разосланы в виде прощального подарка множеству его знакомых вместе с приглашением на погребение¹⁹⁶.

По всей видимости, деньги, вложенные в издание, уже в первой половине 1844 года начали возвращаться к Крылову, и вскоре он обратил значительные средства в недвижимость. Из его расходной книги следует, что к осени 1844 года он был владельцем солидного капитала в 86853 рублей 67 коп. ассигнациями (примерно 24815 рублей серебром)¹⁹⁷. Несомненно, обдумав, как с максимальной надежностью обеспечить своих наследников – дочь и ее семью, баснописец весьма рационально распорядился этими деньгами. Большую их часть он вложил в приобретение городской усадьбы – дома с садом, флигелями и служебными постройками на Петербургской стороне по Малой Никольской улице, недалеко от Тучкова моста. «Из этого дома вид обширный и прекрасный. Он рассказывал мне, что прямо из кабинета его будет балкон и крыльцо, ведущее в сад», – вспоминал Лобанов¹⁹⁸. Солидный трехэтажный дом в одиннадцать окон по фасаду, украшенный портиком из шести пилястров ионического ордера¹⁹⁹, был слишком велик для проживания одной семьи; он явно приобретался для частичной сдачи внаем. Покупка, оформленная 7 сентября, обошлась Крылову в 17914 рублей 27⁴/₇ коп. серебром²⁰⁰. Начатая вскоре под руководством архитектора Г. Буятти²⁰¹ перестройка и отделка дома и флигелей также потребовала расходов – очевидно, немалых.

Переехать в свое новое жилище Крылов не успел. 9 ноября 1844 года он скончался после непродолжительной болезни. Из составленного через пять месяцев акта о введении в наследование зятя Крылова К.С. Савельева явствует, что после баснописца, помимо движимого имущества стоимостью около 5 тыс. рублей и дома, остался еще капитал — 13 тыс. рублей серебром²⁰². Особую часть достояния Крылова представляли его произведения; авторские права на них он также завещал мужу дочери²⁰³.

Между тем на собственные похороны баснописец оставил чисто символическую сумму — 400 руб. ассигнациями (чуть более 114 руб. серебром). Позволим себе предположить: сознавая свой исключительный общественный статус, Крылов был практически уверен в том, что его похоронят за государственный счет и, скорее всего, на кладбище Александро-Невской лавры, где в то время уже были погребены Н.И. Гнедич, скончавшийся в 1833 году, и А.Н. Оленин, умерший в 1843-м. Неслучайно своим душеприказчиком он избрал Ростовцева. О смерти поэта тот незамедлительно известил А.Ф. Орлова, который направил императору следующее донесение: «Сего числа поутру в 7 часов скончался наш знаменитый баснописец Крылов, исполнив с благоговением весь долг христианина. Душеприказчиком назначил он генерал-майора Ростовцева, родных у него нет, на погребение оставил он четыреста рублей ассигнациями, сумма весьма недостаточная. Не благоугодно ли будет Вашему Императорскому величеству в ознаменование Ваших милостей к покойному приказать мне для достойного погребения сему добродетельному, истинно русскому поэту выдать две или три тысячи рублей серебром, в распоряжение душеприказчика»²⁰⁴.

На это последовала высочайшая резолюция: «Крайне сожалею, выдай, сколько нужно. Вот хорошо б было, ежели вся наша литературная дрянь исправилась и наследовала его чувствам»²⁰⁵. Похороны «огосударствленного» баснописца были организованы с исключительной пышностью и обошлись казне в 2740 руб. серебром²⁰⁶.

Роскошь этого погребения снова заставила весь город заговорить о Крылове. Резюме общественного мнения относительно материального положения баснописца приводит в своей мемуарной заметке М.А. Корф: «Сначала говорили, что он оставил большой каменный дом и до 200 тысяч рублей денег. Но после оказалось, что у него не было ни того, ни другого, и в его квартире нашлось всего 400 рублей ассигнациями. Он получал от государя пожизненную пенсию в 12 тысяч рублей ассигнациями и этим одним и жил»²⁰⁷. Здесь в высшей степени показательно и недоверие к рассказам о богатстве баснописца, и финальное уверение в том, что он вовсе не был богат. Так подлинного

Крылова окончательно вытесняет «знаменитый русский баснописец», а эту формулу, в свою очередь, подсвечивает апокрифический образ *le bonhomme Lafontaine*, добряка Лафонтена — простодушного, беспечного, нерасчетливого поэта²⁰⁸.

Тем из современников, кто лично знал баснописца, нелегко было принять этот упрощенный образ, однако еще сложнее им было примирить в своем представлении о Крылове гениальную поэзию с прагматическим расчетом, коммерческой хваткой и демонстративным равнодушием к жизни литературного сообщества.

«Комнаты Крылова похожи больше на берлогу медведя, чем на жилище порядочного человека <...> Вообще он очень умен. Суждения его тонки <...> Но на всем, что он говорил, лежал отпечаток какой-то холодности, — недоумевал Никитенко после визита к Крылову в феврале 1835 года. — Не знаю, одушевлялся ли он, когда писал свои прекрасные басни, или они рождались из его ума наподобие шелковых нитей, которые червяк бессознательно испускает и мотает вокруг себя»²⁰⁹. Если Никитенко ужасала низменная «физиологичность» Крылова и отсутствие в нем видимых признаков поэтического вдохновения, то Плетнев спустя три года после смерти баснописца фактически обвинил его в сознательном пренебрежении поэзией вообще и собственным талантом в частности: «Казалось, перед любознательным, тонким и светлым умом его открылись все пути к бесконечной деятельности литератора. Но он и своею поэзиею занимался только как забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его к себе. Деятельность современников не возбуждала его участия. Он чувствовал выгоды и безопасность положения своего и не оказал ни одного покушения расширить тесную раму своих умственных трудов. Так один успех и счастье усыпили в нем все силы духа. В своем праздном благоразумии, в своей безжизненной мудрости он похоронил, может быть, нескольких Крыловых, для которых в России много еще праздных мест. Странное явление: с одной стороны, гений, по следам которого уже идти почти некуда, с другой — недвижный ум, шагу не переступающий за свой порог»²¹⁰.

Точнее всех осознал внеэстетическую и непоэтическую природу литературного поведения баснописца Вяземский. Много позже он писал: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас. Он был несколько, с позволения сказать, неряшлив; но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме. И прекрасно делал, потому что он был чрезвычайно умен. Всю жизнь свою, а впоследствии и дарование свое обделал он умно и расчетливо»²¹¹.

Жизненная стратегия Крылова оказалась реализованной во всех своих основных пунктах. Годами упорно противопоставляя свое поведение общепринятым представлениям об успешности, он наконец смог добиться и материальной независимости, и свободы, и всеобщего уважения. Заметим лишь, что это уважение было основано не только на признании его творчества, но в неменьшей степени на том исключительном социокультурном статусе, который он приобрел в результате «огосударствления» в начале 1830-х годов и сохранял неизменным до конца жизни. Об этом, не скрывая удивления, писал Корф: «В Крылове никто не думал о том, да едва ли многим было известно, что он действительный статский советник, со вторым “Станиславом” (по тогдашнему со звездою), что он числится где-то в службе, что он некогда был столоначальником в Казенной палате, а потом библиотекарем в Публичной библиотеке. Все видели и знали в нем только литератора, но этого *только* литератора уважали и чтили не менее знатного вельможи. Крылов был принят и взыскан в самом высшем обществе, и все сановники протягивали ему руку не с видом уничижительного снисхождения, а как бы люди, чего-нибудь в нем искавшие, хоть бы маленького отблеска его славы»²¹².

¹ И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 251 (далее в сносках это издание обозначается сокращенно: *КВС*).

² Так, в частности, тезис о последовательной театрализации Крыловым своего публичного поведения как одной из его жизненных стратегий развит М.А. Гординым: *Жизнь Ивана Крылова*. М., 1985 (2-е изд., перераб. — *Жизнь Ивана Крылова, или Опасный лентяй*. СПб., 2008), в том числе в работах, написанных в соавторстве: *Гордин М.А., Гордин Я.А. Театр Ивана Крылова*. М., 1983; *Гордин А.М., Гордин М.А. Крылов: реальность и легенда* // *КВС*. С. 5–36 (см. развернутые рецензии на это издание: *Вацууро В.Э. Материалы к биографии*. М., 2005. С. 340–345; *Тартаковский А. Легенда и реальный облик писателя* // *Вопросы литературы*. 1983. № 10). См. также: *Коровин В.И. Поэт и мудрец: Книга об Иване Крылове*. М., 1996; *Серман И.З. Загадка Крылова* // *Русская литература*. 2006. № 4. Не отрицая значимости такого подхода, заметим, что Крылов в течение жизни реализовал разные стратегии, и зачастую одновременно, а не последовательно.

³ В данной работе не рассматривается взаимодействие поэтических и коммерческих практик. Таким образом, она не лежит в русле «новой экономической критики».

⁴ См.: Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1869. С. 317 (2-й пагинация); далее — *Сб. 1869*. Аттестат составлен в 1841 г.

⁵ Упоминание о некоей Марфушке, которая в конце 1801 или начале 1802 г. получила от Крылова вольную, содержится в письме его брата Льва (см.: *КВС*. С. 336). Из его слов вытекает, что Крылов, очевидно, не имея возможности содержать свою дворовую, позволил ей жить самостоятельно и забыл о ее существовании, но не снабдил ее паспортом, вследствие чего она долгое время подвергалась опасности быть принятой за беглую. Оброка она, видимо, своему господину не платила; более того, формально отпуская ее, наконец, на свободу, сам Крылов как-то «наградил» ее «за все претерпение» (Там же).

⁶ Сейчас в научной литературе преобладает мнение о том, что Крылов родился в 1769 г.

⁷ См.: Челобитная Крылова об определении его в С.-Петербургскую казенную палату // *Сб. 1869*. С. 346 (2-й пагинации).

⁸ Жалованье А.П. Крылова по этой должности составляло 360 руб. в год. См.: *Жизневский А.К.* Поминки по Иване Андреевиче Крылове. Тверь, 1895. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Об А.П. Крылове и его отношениях с Мавриным см.: *Овчинников Р.В., Большаков Л.Н.* Оренбургская пушкинская энциклопедия. Оренбург, 1997. С. 216–218.

¹¹ *Сб. 1869*. С. 274–275 (2-й пагинации).

¹² Там же. С. 349. Утверждение П.А. Плетнева, что жалованье Крылова составляло 25 рублей в год (*КВС*. С. 213), очевидно, основано на ошибке. Примерно такова была сумма, которую Крылов получал «в треть». Далее все денежные суммы приводятся в ассигнациях, за исключением особо оговоренных случаев.

¹³ Об осознанности этого шага см.: *Киселева Л.Н.* Загадки драматургии Крылова // Крылов И.А. Полн. собр. драматических соч. СПб., 2001. С. IV.

¹⁴ См.: *КВС*. С. 54.

¹⁵ К этому времени Клушин уже приобрел в театральном мире некоторую известность как переводчик комедии Ж. Патра «Рассудительный дурак, или Англичанин», которая в 1787 г. была с успехом поставлена на московской сцене.

¹⁶ Об этой пьесе см.: *Бабинцев С.М.* И.А. Крылов. Новые материалы (из архивных разысканий) // *Русская литература*. 1969. № 3. 111–112.

¹⁷ В передаче Н.И. Греча сохранился рассказ о насмешке, которой оскорбила юношу Е.А. Княжнина, супруга прославленного драматурга: «“Что вы получили, — спросила однажды эта барыня у Крылова, — за ваши переводы?” — “Мне дали свободный вход в партер”. — “А сколько раз вы пользовались этим правом?” — “Да раз пять”. — “Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!”» (<*Греч Н.И.*> Газетные заметки // *Северная пчела*. 1857. 8 июля. № 147. С. 691). Крылов по указанию Соймонова пользовался правом свободного входа на стоячие рублевые места.

¹⁸ Сходную гипотезу см.: *Киселева Л.Н.* Указ. соч. С. XII (со ссылкой на неопубликованную работу М.А. Гордина). Подобные коллизии были известны в истории как европейской, так и русской литературы. О технике и прагматике такой борьбы см.: *Гринберг М.С., Успенский Б.А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х гг. // Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008; *Живов В.М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. № 25. 1997. С. 39–40. Трактовку поведения Крылова как литературной проекции «социальной ненависти» см.: *Гуковский Г.А.* Заметки о Крылове // XVIII век. Сб. 2. Л., 1940. С. 149–153.

¹⁹ См.: *Модзалевский Б.Л.* И.А. Крылов. Новые данные для его биографии // Русская старина. 1898. № 1. С. 153.

²⁰ См., в частности: *Рейтблат А.И.* Литературный гонимый в России XIX – начала XX в. (к постановке проблемы) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Сб. научных трудов. Вып. 3. Л., 1988.

²¹ Саркастические письма-памфлеты Крылова, обращенные к Княжнину и Соймонову и распространявшиеся в списках, см.: *Крылов И.А.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1946. С. 331–342 (далее – *Крылов. ПСС*).

²² Подробнее о Рахманинове см.: *Полонская И.М.* И.Г. Рахманинов (из истории русского книгоиздательства конца XVIII в.). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954 (далее – *Полонская I*); *Мартынов Б.Ф.* Журналист и издатель И.Г. Рахманинов. Тамбов, 1962.

²³ Первой книгой, выпущенной Рахманиновым в собственной типографии в 1788 г., стала переведенная Дмитриевским драма А. Ле Блана «Альберт Первый, или Торжествующая добродетель» (*Полонская I*. С. 98).

²⁴ *Самарин А.Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 220.

²⁵ На каких условиях сотрудничали Крылов и Рахманинов, неизвестно. Сведения о том, что автор «Почты духов» сам платил за услуги типографии, отсутствуют; вероятнее всего, Рахманинов взял эти расходы на себя. Косвенным подтверждением служит тот факт, что после прекращения деятельности петербургской типографии Рахманинова за ним осталось право на переиздание «Почты духов».

²⁶ См.: *Полонская И.М.* К биографии И.А. Крылова (библиографические и архивные изыскания) // Труды Государственной библиотеки СССР им. Ленина. Т. 2. М., 1958. С. 120 (далее – *Полонская 2*).

²⁷ Там же. С. 70.

²⁸ Подробнее о еженедельнике «Утра», который в 1782 г. издавал Плавильщиков, см.: *Козьмин М.Б.* Журнал «Утра» и его место в русской журналистике XVIII века // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959.

²⁹ Быстров И.П. Типография Крылова с товарищами // Северная пчела. 1847. № 289. 22 декабря. С. 1155–1556 (далее в тексте статьи «Законы...» и приходная книга общества на 1792 г. цитируются по этой публикации). Бумаги товарищества, очевидно, находились у В.А. Плавильщикова — младшего брата одного из основателей, который в конце концов стал единоличным владельцем бывшей «Типографии Крылова с товарищи», а в 1823 г. вместе со всем делом и имуществом Плавильщикова перешли по его завещанию к А.Ф. Смирдину. В 1847 г. библиотека Смирдина была куплена его приказчиком П.И. Крашенинниковым. Очевидно, тогда в руки нового владельца попал и архив товарищества, с которым смог ознакомиться Быстров, сотрудничавший с Крашенинниковым при составлении «Третьего прибавления к “Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Петра Крашенинникова”». До наших дней подлинники этих документов не дошли.

³⁰ См.: Архив Дирекции императорских театров. Вып. 1. Отд. III. СПб., 1892. С. 35–36.

³¹ О «гвардейских» знакомствах Крылова см. также: Гордин А.М., Гордин М.А. Крылов: реальность и легенда // КВС. С. 18.

³² Мать Клушина (во втором браке Булгакова) владела лишь 10 душами крепостных и явно не могла помогать сыну.

³³ См.: Прощение литератора Клушина // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 517.

³⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. № 4007. Л. 157 об.

³⁵ Часто приводящийся в научной литературе вариант названия — «Типография Крылова с товарищи» — зафиксирован только на титульном листе первой части журнала «Зритель». Видимо, этот вариант быстро был осознан пайщиками как архаический, свойственный приказному языку, и изменен на нейтральный.

³⁶ На конец 1791 — начало 1792 г. в Петербурге существовало более тридцати книжных лавок (Зайцева А.А. Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII в. СПб., 2005. С. 315–323, 329–334).

³⁷ Ср. с положением Н.И. Новикова, который в 1789 г., после окончания срока аренды московской Университетской типографии, был вынужден ради продолжения налаженной торговли в бывшей Университетской книжной лавке прибегнуть к помощи гильдейских купцов Н.Н. Кольчугина и И.И. Переплетчикова, которые, фактически будучи его приказчиками, выступили в качестве ее номинальных владельцев (об этом см.: Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 111, 132).

³⁸ Зайцева А.А. Указ. соч. С. 328.

³⁹ См.: Полонская 2. С. 77.

⁴⁰ Мартынов И.Ф. Указ. соч. С. 56.

⁴¹ Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 356 (запись от 9 февраля 1807 г.).

⁴² Полонская И. С. 161.

⁴³ Так, напечатанную «Типографией Крылова с товарищи» в 1792 г. книгу «Забава в уединении, или Собрание достопамятных происшествий...» перевел с французского сослуживец Рахманинова по лейб-гвардии Конному полку М. Превлоцкий.

⁴⁴ В 1792 г. «Типография Крылова с товарищи» выпустила «Правила благопристойности для преподавания обучающемуся юношеству» – сокращенный перевод труда Я.А. Коменского «Praecepta morum», предназначавшийся «в пользу воспитанников Санкт-Петербургского Воспитательного дома»; переводчиком выступил надзиратель этого заведения, скрывшийся под инициалами И.У. В программу подготовки воспитанников входило и обучение типографскому ремеслу, а значит, вероятно, что рабочие «Типографии Крылова с товарищи» могли быть выпускниками Воспитательного дома. Не исключено, что Бецкой учитывал такого рода сотрудничество при установлении арендной платы за помещения в своем доме.

⁴⁵ Баренбаум И.Е. Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 78.

⁴⁶ См.: Тимофеевский Ф.А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. Кронштадт, 1913. С. 195.

⁴⁷ О ясном понимании выгоды издания развлекательной литературы свидетельствует анонимная сценка в Гостином дворе, опубликованная в «Зрителе». Купец-галантерейщик заворачивает товар в листы книг по географии, логике, медицине и объясняет, что скупает залежалые книги на вес. «А романы-то, сударь! <...> у меня знакомый книгопродавец, где я эти листы беру на обертку, говорит, что это золотые книги; ни один роман еще не залежался, то и знай, что их подпечатывают» (Зритель. 1792. Август. С. 306–308).

⁴⁸ В обеих операх на русской сцене была занята певица Елизавета Уранова, скандал вокруг свадьбы которой с актером С. Сандуновым занимал петербургскую публику в течение всего 1790 и первой половины 1791 г. (подробно см.: Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М., 2016. С. 85–102). Эти обстоятельства, способствовавшие спросу на выполненные Дмитриевским переводы опер, могли определить решение пайщиков их напечатать.

⁴⁹ Выпущенные типографией в 1792–1794 гг. книги учтены в: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. I–IV. М., 1962–1966 (по указателю типографий в т. V). Об участии Крылова в переводе «Фобласа» см.: Бабинцев С.М. И.А. Крылов. Новые материалы... С. 112–114.

⁵⁰ Для сравнения: «Московский журнал» Карамзина, самый популярный журнал рассматриваемого периода, в том же году имел 290 подписчиков. См.: Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 221.

⁵¹ Стоимость подписки на журнал на обычной бумаге составляла 5 рублей, на белой – 6 (без пересылки). При 170 подписчиках сумма выручки составляла минимум 850 рублей.

⁵² Подробнее см.: *Рождественский Н.В.* Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 году. М., 1899. С. 8–12.

⁵³ С 1791 по 1794 г. стоимость ассигнаций относительно серебряного рубля снизилась с 81,3 до 68,5 копейки, то есть более чем на 15%. Здесь и далее сведения о курсе ассигнационного рубля приводятся по кн.: *Никольский П.А.* Бумажные деньги в России. Казань, 1892. С. 194–195.

⁵⁴ *Крылов. ПСС.* Т. 3. С. 254. Об особенной любви Крылова к разного рода «моченьям» см.: *КВС.* С. 272, 276.

⁵⁵ Подробнее об этом сотрудничестве см.: *Семенников В.П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II // *Русский библиофил.* 1914. № 6.

⁵⁶ В числе соавторов «Опасной шутки» был и Дмитревский (см.: *Стенанов В.П.* Клушин Александр Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. СПб., 1999. С. 64).

⁵⁷ «Законы...» товарищества допускали печатание произведений пайщиков в других типографиях в случае, если эти произведения отвергались общим мнением членов товарищества.

⁵⁸ См.: *Бабинцев С.М.* И.А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955. С. 25.

⁵⁹ Прошение литератора Клушина. С. 517.

⁶⁰ См.: *Полонская 2.* С. 81.

⁶¹ Там же. С. 79.

⁶² *Полонская 1.* С. 168–169.

⁶³ Документов, позволяющих точно определить дату отъезда Крылова из Петербурга, не существует. Распространенное мнение о том, что он выехал еще в середине 1793 г., основывается на весьма нечетких в этом пункте «Записках» И.И. Мартынова (см.: *Памятники новой русской истории.* Т. 2. СПб., 1872. С. 88 (2-й пагинации)), а также на недоказанной гипотезе о том, что основной причиной бегства Клушина и Крылова стала история с «Вадимом Новгородским».

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Полонская 2.* С. 79.

⁶⁶ См.: *Полонская 2.* С. 85, 93.

⁶⁷ *Пожилый И.А.* Дмитревский и ранее не принимал непосредственного участия в управлении типографией и других предприятиях товарищества, ограничиваясь передачей ему своих сочинений для издания.

⁶⁸ См., в частности: *Полонская 2.* С. 84.

⁶⁹ *Новиков С., Балабанова Ю.* Болдино – подмосковный дворец в стиле барокко... // *Мир искусств: Вестник международного института антиквариата.* 2015. № 2 (10). С. 38–53.

⁷⁰ В том же списке отъявленных игроков назван и близкий приятель Крылова В.Е. Татищев, в доме которого происходили игорные сборища. См.: *Мальшинский А.П. Московские игроки // Исторический вестник. 1891. Т. 45. С. 117.*

⁷¹ *КВС. С. 245* (дневниковая запись М.П. Погодина о беседе с Гнедичем 23 октября 1831 г.).

⁷² Так, И.И. Бантыш-Каменский в мае 1795 г. наблюдал, как игроков, не исключая и дам, поочередно привозили к московскому главнокомандующему М.М. Измайлову для беседы, а уже в июне констатировал, что «академики картежные, видя крепкий за собою присмотр, многие по деревьям скрылись» (Московские письма в последние годы екатерининского царствования. От И.И. Бантыша-Каменского к князю Александру Борисовичу Куракину. 1794 и 1795 годы // *Русский архив. 1876. № 12. С. 409–410.*)

⁷³ *Крылов. ПСС. Т. 3. С. 343.*

⁷⁴ 27 октября 1831 г. Погодин конспективно записал свою беседу с Крыловым, в ходе которой тот, коснувшись личности И.А. Дмитриевского, внешне заговорил о Павле I: «Павел встретил и сказал: — Здравствуйте, Иван Андреевич. Здоровы вы? — Он подал ему трагедию “Клеопатра”» (*КВС. С. 245*). М.А. и Я.А. Гордины полагают, что Погодин передает разговор Павла с самим Крыловым, и относят этот эпизод ко времени коронации (см.: *Гордин М.А., Гордин Я.А. Театр Ивана Крылова. С. 94*). Однако учитывая труднораспознаваемый почерк Погодина, можно предположить, что при публикации его дневника была допущена ошибка в расшифровке отчества, и следует читать не «Иван Андреевич», а «Иван Афанасьевич». Таким образом, собеседником Павла оказывается не Крылов, а Дмитриевский. Уважительное обращение по имени-отчеству естественно по отношению к старшему (Дмитревский был на 20 лет старше Павла Петровича, Крылов — на 15 лет моложе). Кроме того, передача в руки Павла трагедии «Клеопатра» была бы уместна не в 1797 г., а десятью годами раньше — вскоре после ее создания, когда Дмитриевский, помогавший Крылову работать над этим произведением, имел доступ к наследнику благодаря своему исключительному положению на придворной сцене.

⁷⁵ См.: *Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 153.*

⁷⁶ См.: *Степанов С.В. Книгоиздательская деятельность Санкт-Петербургской губернской типографии // Труды Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. Т. 201. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. Ч. 1. СПб., 2013. С. 46.*

⁷⁷ Подробнее см.: *Степанов С.В. Указ. соч. Фактически Губернское правление сдавало в аренду свою марку с тем, чтобы арендатор брал на себя обязательства по печатанию казенных бланков, объявлений и т. п. При этом ему не возбранялось и печатание по своему усмотрению книг и другой полиграфической продукции, а использование марки официального учреждения защищало его от стеснений, которым подвергались в то время «вольные»,*

т. е. частные типографские заведения. Возможно, столь выгодный контракт достался бывшей «Типографии Крылова с товарищи» благодаря И.А. Алексееву, который, занимая в 1793–1796 гг. должность вице-губернатора, а с 1797 – гражданского губернатора Санкт-Петербургской губернии, был постоянным читателем ее изданий. Его имя находим среди подписчиков «Зрителя», «Санкт-Петербургского Меркурия», а ранее – книг и журналов Рахманинова, включая «Почту духов» (Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 223).

⁷⁸ Полонская 2. С. 82.

⁷⁹ Структура собственности типографии Губернского правления неизвестна, но, вероятнее всего, к 1801 г. из первоначальных пайщиков долю в ней сохранил только И.А. Дмитриевский. Во всяком случае, в одном из книгопродавческих объявлений некто Дмитриевский назван содержателем этой типографии (см.: Санкт-Петербургские Ведомости. 1801. № 8. С. 282).

⁸⁰ Крылов. ПСС. С. 250. Послание было напечатано в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793. Ч. 3. Июнь).

⁸¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. С. 114, 116.

⁸² Державин знал супругу Голицына Варвару Васильевну, урожденную Энгельгардт, еще до ее замужества. В год ее свадьбы он посвятил ей четверостишие «К портрету В.В. Энгельгардт» (1779). Во второй половине 1780-х годов он не раз по-дружески гостил в имении супругов Зубриловка. Голицыны оказывали Державину поддержку после отрешения его от должности правителя Тамбовского наместничества в 1788 г. О знакомстве самого Крылова с Державиным в конце 1780 – первой половине 1790-х годов см.: КВС. С. 141.

⁸³ «Крылов <...> бедствовал, и оказанная протекция явилась своего рода благодеянием <...> Вероятно поэтому Крылов <...> говорил иногда: “Благодетель мой Александр Михайлович”», – вспоминала Н.М. Еропкина, двоюродная племянница Тургенева, жившая у него в доме со второй половины 1830-х гг. (КВС. С. 270).

⁸⁴ Осенью 1797 г. Крылов, нуждаясь в деньгах, взялся за переделку для русского театра оперы-буффа «La villanella rapita» Ф. Бьянки, которая 14 сентября была представлена итальянской труппой в Петергофе, на придворном театре (см.: Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы. Т. 2. М., 1953. С. 436). Однако закончить эту работу он до отъезда из столицы не успел, и лишь спустя год, в сентябре 1798 г., опера под названием «Сонный порошок, или Похищенная крестьянка» была подана в цензуру в Москве. Содействие в ее постановке могли оказать подвизавшиеся на тамошней сцене старые друзья Крылова – П.А. Плавильщиков и чета Сандуновых. Премьера «Сонного порошка» состоялась только 9 февраля 1800 г. (в бенефис Е.С. Сандуновой); опера выдержала в этот сезон пять представлений. В отличие от нее, комическая опера «Американцы» с музыкой Е.И. Фомина, поставленная весной 1800 г., скорее всего, не принесла Крылову денег. Написанная еще в 1788 г.,

она по распоряжению П.А. Соймонова тогда не была сыграна. Впоследствии текст оказался в руках А.И. Клушина, который по возвращении в Петербург занял в июле 1799 г. должность цензора русских пьес. Существенно переделав оперу, Клушин быстро устроил ее постановку на столичной сцене (премьера – 8 февраля 1800 г.; в 1800–1801 и 1803 гг. шла еще четыре раза), а также напечатал у В.А. Плавильщикова в типографии Губернского правления. В предисловии к публикации он заявил, что «кроме стихов, в ней не осталось ни строки, принадлежащей г. Крылову» (цит. по: *Крылов И.А.* Полн. собр. драматических соч. С. 465). Судя по охлаждению отношений между приятелями, авторское вознаграждение при постановке «Американцев», скорее всего, было выплачено только Клушину.

⁸⁵ *КВС*. С. 334.

⁸⁶ Там же. С. 175.

⁸⁷ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 129. Эти занятия продолжались до начала 1800 г., когда ученики Крылова были отправлены родителями для продолжения образования в Петербург.

⁸⁸ См.: *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 88.

⁸⁹ Подробнее об этом поединке дуэли см.: *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты. СПб., 2002. С. 61–65.

⁹⁰ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 128. Ср. с эпизодом времени пребывания Крылова в имении В.Е. Татищева, когда он разыграл перед хозяином и его гостями пародию на «естественного человека» Руссо (*КВС*. С. 145–146; история известна в изложении самого Татищева).

⁹¹ Написанная для любительской постановки в доме Голицыных, она 20 июля 1802 г. была сыграна и на петербургской сцене. Сумма авторского вознаграждения неизвестна.

⁹² В конце 1798 – начале 1799 г., когда Голицын, которого Павел ненадолго извлек из отставки, получил назначение командовать корпусом, Крылов вместе с ним прибыл в Петербург. Свидетельством его намерения определиться на службу служит то, что 4 января 1799 г. он получил в Берг-Коллегии копию ранее потерянного аттестата о своей предшествующей службе в Горной экспедиции (*Модзалевский Б.Л.* Указ. соч. С. 153). Не будучи военным, Крылов, очевидно, рассчитывал формально занять при князе какую-то незначительную должность, доступную мелкому штатскому чиновнику. Фактически же он должен был выполнять функции «частного секретаря» (см.: *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 115–116), то есть неофициального помощника Голицына, в отличие от адъютантов, которые полагались командиру корпуса для ведения служебных дел. Подобная практика в то время была обычной в среде высшего генералитета.

⁹³ *Модзалевский Б.Л.* Указ. соч. С. 152–154.

⁹⁴ *КВС*. С. 57. М.П. Сумароковой, жившей в те годы в доме Голицыных, запомнилась другая сумма – 30 тыс. рублей (*Грот Я.К.* Дополнительное известие о Крылове // Сб. 1869. С. 38).

⁹⁵ Грот Я.К. Дополнительное известие о Крылове // Сб. 1869. С. 37.

⁹⁶ 17 ноября была подана в Московский цензурный первая часть журнала «Московский зритель» на 1806 г. с двумя баснями Крылова, посвященными Софье Бенкендорф, дочери его старинных друзей (см.: *Могилянский А.П. Комментарии // Крылов И.А. Басни. М.; Л., 1956. С. 318).*

⁹⁷ Там же. С. 37–38.

⁹⁸ *Ф. Б<улгарин>.* Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. 11 января. № 8. С. 32.

⁹⁹ <Греч Н.И.> Указ. соч. С. 691.

¹⁰⁰ *Жихарев С.П.* Указ. соч. С. 509 (запись от 6 мая 1806 г.).

¹⁰¹ Подробнее о состоянии финансовой системы России в это время см.: *Ламанский Е.И.* Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г. // Сборник статистических сведений о России... Кн. 2. СПб., 1854.

¹⁰² Перечисление пайщиков «по мере положенного капитала» (по состоянию на март 1811 г.) см.: *Бабинцев С.М. И.А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. С. 35.*

¹⁰³ О типографии Оленина, Крылова и Рыкалова см.: *Полонская 2*, а также: *Коралев Д.Г.* Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX – начала XX веков. СПб., 1999. С. 29–30.

¹⁰⁴ Подробнее об А.И. Ермолаеве см.: *Тимофеев Л.В.* Экспедиция К.М. Бороздина (1809–1810) в письмах А.И. Ермолаева и других документах // Памятники культуры: Новые открытия. 2004. М.: Наука, 2006. С. 50–53; *Файбисович В.* Алексей Николаевич Оленин. СПб., 2006. С. 393–397 (далее – *Файбисович*); *Голубева О.Д.* Хранители мудрости. М., 1988. С. 261–262.

¹⁰⁵ Об афишной монополии см.: *Лапина К.В.* Театральная афиша в России: опыт истории от возникновения до 20-х годов XX века. Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2008. С. 67–68.

¹⁰⁶ После прекращения контракта с Дирекцией Театральная типография была вынуждена еще раз изменить название. В 1807 г. она успела выпустить несколько книг под прежней маркой, а затем стала именоваться по фамилии владельца – типографией В.А. Плавильщикова. При этом она по-прежнему находилась на Большой Мещанской, куда переехала еще в 1797 г., когда называлась еще типографией Губернского правления. Стоит отметить, что никакой преемственности производственной базы между ней и новой Типографией Императорского театра не было. По наблюдениям И.М. Полонской, типография Плавильщикова продолжала применять шрифты, ранее употреблявшиеся в Театральной типографии, тогда как Типография Императорского театра пользовалась совершенно другими шрифтами (см.: *Полонская 2. С. 87).*

¹⁰⁷ Там же. С. 86.

¹⁰⁸ См.: *Полонская 2. С. 87.*

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Жихарев С.П. Указ. соч. С. 400 (запись от 5 марта 1807 г.).

¹¹¹ О замысле издания «Драматического вестника» и о роли, отведенной в этом Рыкалову, см.: Там же. С. 547.

¹¹² Последние номера за 1808 г. увидели свет в апреле 1809 г. Подробнее о журнале «Драматический вестник» см.: *Бабинцев С.М.* «Драматический вестник» (к 150-летию первого русского театрального журнала // Книга. Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959, а также: *Королев Д.Г.* Указ. соч. С. 60–65.

¹¹³ Первоначально типография обязалась выплачивать Театральной дирекции фиксированную сумму – 5 тыс. рублей в год вне зависимости от количества подписчиков; годовая стоимость подписки и доставки по Петербургу составляла 10 рублей. Подробнее об этом см.: *Липина К.В.* Указ. соч. С. 69–70.

¹¹⁴ Точных биографических сведений об Александре Федоровиче Похорском не имеется. Вероятно, он доводился родственником известному московскому священнику, историку Д.В. Похорскому.

¹¹⁵ *Захаров В.В.* Сведения о некоторых петербургских типографиях (1810–1830-е годы) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 26. М., 1973. С. 73–77. На фоне таких крупных полиграфических предприятий, как казенная Академическая типография, где работало 125 человек, или частная типография Русского Библейского общества с 90 рабочими, Типография Императорского театра выглядела скромной, однако функционировала вполне стабильно. Ее благосостояние было подорвано длительным трауром по Александру I и императрице Елизавете Алексеевне, во время которого были прекращены все публичные зрелища. Подробнее о деятельности Типографии Императорского театра при А.Ф. Похорском см.: *Королев Д.Г.* Указ. соч. С. 30–31.

¹¹⁶ Об этом см.: *Файбисович.* С. 422–424. По-видимому, неслучайно именно в 1815 г. у типографии образовалась недоимка по выплатам Театральной дирекции. Краткое письмо Крылова в Санкт-Петербургскую городскую полицию по этому поводу от 12 мая 1815 г. см.: *Бабинцев С.М.* «Драматический вестник»... С. 35.

¹¹⁷ Впоследствии сотрудничество бывших совладельцев типографии с А.Ф. Похорским не только продолжалось, но и получило развитие. С 1816 по 1824 г. собрания басен Крылова печатаются исключительно в Типографии Императорского театра (некоторые – «иждивением» Похорского), что, вероятно, связано с заменой оборудования и улучшением качества печати при новом владельце.

¹¹⁸ Подробнее об отношениях Крылова с А.Н. Олениным и его семейством см.: *Файбисович.* С. 249–250 *passim*.

¹¹⁹ См.: *КВС.* С. 313 (письмо К.Н. Батюшкову от 6 декабря 1809 г.).

¹²⁰ Наименование Публичной она получит в следующем 1811 г.

¹²¹ Дело о службе титулярного советника Крылова // Отдел архивных документов РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. № 8. Л. 1 об. Ср. с квалификационными требованиями к библиотекарям и их помощникам в утвержденном 23 февраля

1812 г. уставе библиотеки – «Начертании подробных правил для управления Императорскою Публичною Библиотекою»: чтобы «они были свободного состояния, имели нужные сведения в библиографии, знали иностранные, предпочтительно же греческий и латинский, а иные отчасти и восточные языки, и притом были бы известны по их добропорядочному поведению, отличной к сему служению охоте и твердым правилам честности и бескорыстия» (Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1. Т. 32. СПб., 1830. № 25069. С. 265).

¹²² См. всеподданнейший доклад тогдашнего главного директора библиотеки А.С. Строганова с проектом Положения об учреждении Императорской библиотеки, поданный 17 августа 1810 г. (ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1810. № 59. Л. 7).

¹²³ Масштабные и новаторские труды Крылова – заведующего русским отделением Библиотеки (комплектование и страхование фондов, разработка системы расстановки и каталогизации книг, составление каталогов, правил обслуживания читателей и др.) освещены в: *Бабинцев С.М.* И.А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. С. 40–90. См. также: *Голубева О.Д.* 1) Хранители мудрости. С. 128–148; 2) И.А. Крылов. СПб., 1997. С. 60–93. Кроме того, Крылов состоял членом Хозяйственного комитета библиотеки, где нашлось применение его коммерческому опыту. Комитет, в частности, занимался организацией торгов для приобретения различных расходных материалов и сдачей торговых помещений, принадлежащих библиотеке, в аренду книгопродавцам.

¹²⁴ *КВС.* С. 337–338.

¹²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. № 44. Л. 1 (отношение Оленина Разумовскому от 24 июня 1816 г.).

¹²⁶ *КВС.* С. 147.

¹²⁷ Там же. С. 67.

¹²⁸ По воспоминаниям Лобанова, Крылов сам показывал ему свою расходную книжку, говоря: «Вот посмотрите сами <...> это стоит мне более десяти тысяч рублей» (Там же. С. 68).

¹²⁹ Небольшой остаток этой коллекции перешел по наследству к семье его внебрачной дочери А.П. Савельевой, и в начале 1880-х годов его внука Н.К. Сназина вела переговоры с П.М. Третьяковым о приобретении двух картин, принадлежавших Крылову. «Иван Андреевич приобрел их от Кипренского, – писала она. – Картины старинные, очень хорошей кисти и сохранились хорошо. Одна из них изображает морской вид, а другая пейзаж» (Орест Кипренский. Переписка, документы, свидетельства современников. СПб., 1994. С. 561).

¹³⁰ *КВС.* С. 68–69.

¹³¹ Последняя из них, относившаяся к 1840–1844 гг., описана в: *Жизневский А.К.* Указ. соч. С. 9–12.

¹³² КВС. С. 66. Ср. с суждением Крылова о благотворительности, высказанным в споре с Жуковским в 1840 г.: «Крылов утверждал, что подаяние не есть знак сострадания, а просто дело эгоизма» (Там же. С. 256).

¹³³ Там же. С. 159.

¹³⁴ См.: *Георгиевский Г.П.* А.Н. Оленин и Н.И. Гнедич. Новые материалы из Оленинского архива. СПб., 1914. С. 135–137.

¹³⁵ Так, в 1813 г. он был приглашен для чтения басен вдовствующей императрице в Зимний дворец, в 1815 – в Гатчину.

¹³⁶ Сборники текстов этого жанра, выпущенные И.И. Хемницером (1779; переиздания – 1782, 1799) и И.И. Дмитриевым (1798), имели название «Басни и сказки». Отдельные издания притч («Притчи Александра Сумарокова», ч. 1–3, СПб., 1762, 1769; «Притчи из лучших сочинителей российскими стихами гр. Хвостова», СПб., 1802) представляют другой извод жанра.

¹³⁷ Вскоре такой тип названия был подхвачен подражателями: «Басни Масловича» (Харьков, 1814), «Басни Александра Агафи» (Астрахань, 1814), «Басни В. Васильева» (М., 1817) и позднее «Басни крестьянина Егора Алипанова» (СПб., 1832).

¹³⁸ Об этом см.: *Степанов В.П.* Эволюция и теория басни в 1790–1810-х годах // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975. С. 202–203; *Кочеткова Н.Д.* «Русский Лафонтен» (к литературной репутации Дмитриева) // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения. СПб., 2010.

¹³⁹ 3 марта датировано отношение Оленина к Крылову с уведомлением о том, что он может получить на издание из Кабинета 4100 рублей (см.: Дело о службе титулярного советника Крылова. Л. 13).

¹⁴⁰ Особняком стоит выпущенное графом Г.В. Орловым в Париже в пропагандистских целях роскошное издание-*trilingua* – «Басни руския извлеченные из собрания И.А. Крылова...» (1825). О каких-либо выплатах Крылову в связи с этой публикацией ничего не известно.

¹⁴¹ О этом см., например: *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин, Л., 1930. С. 25 *passim*.

¹⁴² Сын Отечества. 1814. № 24. С. 206.

¹⁴³ «Новые басни И.А. Крылова. Изданием содержателя Театральной типографии А. Похорского. Часть 4» и «Новые басни И.А. Крылова. Часть 5» вышли из типографии одновременно, 5 апреля 1816 г.

¹⁴⁴ Только последнее прижизненное издание 1843 г., выпущенное Крыловым на свои средства (о нем см. в ниже), не было снабжено портретом – вероятно, из экономии.

¹⁴⁵ По правилам кандидат, желающий стать членом клуба, становился на очередь, ожидая вакансии. Это позволяет предполагать, что Крылов высказал такое намерение ранее 1817 г. К сожалению, неизвестно, кем именно Крылов был рекомендован к избранию (его постоянный покровитель А.Н. Оленин

тогда еще в клубе не состоял). Успешная баллотировка свидетельствовала о том, что к этому времени баснописец, с точки зрения других членов, обладал репутацией, позволявшей быть принятым в их избранный круг. Членством в Английском клубе Крылов дорожил, до самой смерти аккуратно выплачивая солидный годовой взнос. Сведения о его величине в разные годы см.: *Завьялова Л.В.* Петербургский Английский клуб. 1770–1918: Очерки истории. СПб., 2008. С. 30.

¹⁴⁶ *КВС*. С. 344. Экстраординарные расходы баснописца в 1818 г. могли быть связаны с рождением его внебрачной дочери Александры. Формально девочка была записана «дочерью умершего унтер-офицера Петра Иванова» (РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. № 1205. Л. 54). По-видимому, Крылов должен был заплатить вдове унтер-офицера Марии Ивановой за эту услугу. Момент, когда художник А.Г. Венецианов, зайдя на квартиру к Крылову, застал его укачивающим младенца, относится самое позднее к весне 1819 г., когда Венецианов выехал из Петербурга (см.: *КВС*. С. 160). В дальнейшем ребенок воспитывался в доме Крылова при матери – крыловской кухарке Фене.

¹⁴⁷ Возможно, в это время, впервые получив от издателя крупную сумму, Крылов открыл банковский вклад, хотя определенные сведения о том, что баснописец хранил часть своих денег на банковском депозите, относятся лишь к началу 1840-х годов (*Жизневский А.К.* Указ. соч. С. 11). Государственный коммерческий банк, открывший свои операции в начале 1818 г., в течение многих лет принимал «вклады для обращения из процентов» с доходностью 5% годовых (см.: *Левичева И.Н.* Особенности становления банковской системы России во второй половине XIX века // *Вестник Банка России*. 2003. № 54 (706). С. 35).

¹⁴⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1819. 28 марта. № 25. С. 277.

¹⁴⁹ Там же. С. 278.

¹⁵⁰ *Крылов*. ПСС. Т. 3. С. 367, 585. Цензурное ведомство приняло эту просьбу к сведению, но не сочло нужным ее удовлетворить. О тогдашней ситуации с соблюдением авторского права см.: *Рейтблат А.И.* Материалы к истории авторского права в России в первой трети XIX в. // Книга. Исследования и материалы. Сб. 65. М., 1993.

¹⁵¹ *КВС*. С. 90. Заметка, написанная, очевидно, в 1832 г., была опубликована уже в XX веке.

¹⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 15. № 74. Л. 5об., 16–16 об. «Наш собственный Иван» – каламбур: *Жан Лафонтен – Иван Крылов*.

¹⁵³ А.П. Буниной, постоянно нуждавшейся в деньгах, в том числе для лечения, пенсии назначались несколько раз; последний, в феврале 1813 г., – в размере 2 тыс. рублей в год (см.: *Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова*. Т. 1. Берлин, 1870. С. 318). Жуковскому пенсия в размере 4 тыс. рублей в год был пожалован 30 декабря 1816 г., не только как знак высочайшего одобрения его творчества, но и «для доставления нужной при

его занятиях независимости состояния» (цит. по: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 67).

¹⁵⁴ Сб. 1869. С. 303 (2-й пагинации).

¹⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 15. № 74. Л. 30.

¹⁵⁶ См.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. 6. Ч. 2. СПб., 1832. № 4794. Приложения. С. 1.

¹⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 542. № 100. Л. 1–1об.; письмо от 3 декабря 1831 г. К тому времени Крылов уже стал фигурой европейского масштаба: по количеству и качеству переводов на иностранные языки с ним не мог сравниться ни один из русских поэтов (см. об этом, в частности: Бычков А. Ф. О баснях Крылова в переводах на иностранные языки // Сб. 1869. С. 82–93, 100–102; Cross A. Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia. Oxford; Providence, 1993. P. 180–186).

¹⁵⁸ Подробнее об этом см.: Файбисович. С. 236 *passim*.

¹⁵⁹ Сб. 1869. С. 304 (докладная записка от 16 апреля 1824 г.). Оленин имеет в виду рецензию французского литератора П. Ф. Баур-Лормиана (в «Journal de Paris» от 2 января 1824 г.) на «Anthologie russe» де Сен-Мора и, в частности, на публикацию в ее составе басни Крылова «Сочинитель и разбойник». Критик усмотрел в ней нападки на Вольтера. Немаловажно, что сам Крылов, узнав о политической оценке, которую получила во Франции его басня, известная в России с 1817 г., поспешил сообщить об этом Ю. А. Нелединскому-Мелецкому – доверенному приближенному императрицы Марии Федоровны (см.: Хроника недавней старины. С. 253). Готовя в это время собрание басен в семи книгах, о котором идет речь в представлении Оленина, Крылов, по-видимому, намеренно поставил на первые места в ряде книг басни антилиберальной окраски, в том числе «Сочинитель и разбойник».

¹⁶⁰ Дрыжакова Е. Н. Вяземский и Пушкин в споре о Крылове // Пушкин и его современники. Вып. 5 (44). СПб., 2009.

¹⁶¹ Представление Оленина к производству Крылова в чин от 28 мая 1830 г. см.: Сб. 1869. С. 42–43 (дата представления уточнена по рукописи: ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812 год. № 8). Ранее аналогичным образом чин статского советника получили литераторы Н. И. Гнедич (1828) и Н. И. Греч (1829).

¹⁶² См. об этом: Северная пчела. 1831. № 98. 5 мая. Л. 1об. Басни Крылова, разумеется, входили в обязательное чтение наследника. См., например, басню «Орел и пчела» в списке стихотворений, выученных им наизусть (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1484. Ч. 3. Л. 13; без даты).

¹⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. № 25. Л. 36–36 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 41.

¹⁶⁵ Басня «Два Извозчика», датируемая началом 1834 г., так и осталась незаконченной.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Эта формула впервые прозвучала в приветственных куплетах П.А. Вяземского, исполненных 2 февраля 1838 г. на торжественном обеде по случаю 50-летия литературной деятельности баснописца. Об этом празднике см.: *Лямина Е., Самовер Н.* Крылов и многие другие: Генезис и значение первого литературного юбилея в России // Новое литературное обозрение. № 142. 2016. 7

¹⁶⁸ В это время Крылов мог испытывать нужду в деньгах в связи с замужеством своей внебрачной дочери, которой он, вероятно, должен был выделить некоторую сумму в качестве приданого. А.П. Иванова обвенчалась с Каллистратом Савельевичем Савельевым 11 февраля 1834 г. (см.: Гос. архив Тверской области. Ф. 645. Оп. 1. № 3600. Л. 14).

¹⁶⁹ *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. [Л.] 1955. С. 142 (запись от 12 апреля 1834 г.). Крылов действительно приобрел «пару прекрасных лошадей и самую модную откидную английскую карету» (*КВС*. С. 206). В связи с этим он должен был понести дополнительные расходы – помимо имеющейся женской прислуги нанять еще и кучера (*Ф. Б<улгарин>*. Указ. соч. // Северная пчела. 1845. 12 января. № 9. С. 35).

¹⁷⁰ Аналогичный прецедент относится к 1830 г., когда пожилой, заслуженный московский литератор и цензор С.Н. Глинка был по надуманному поводу посажен на гауптвахту на две недели, что вызвало нескрываемое возмущение московской светской публики (подробнее об этом см.: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* «Сквозь умственные плотины...». М., 1986. С. 151–158).

¹⁷¹ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 166 (запись от 9 февраля 1835 г.).

¹⁷² *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 335.

¹⁷³ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 166.

¹⁷⁴ Для сравнения – директор «Библиотеки для чтения» О.И. Сенковский, фактически выполнявший и обязанности редактора, получал от Смирдина жалованье в размере 15 тыс. рублей в год.

¹⁷⁵ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 167.

¹⁷⁶ Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. С. 58 (6-й пагинации). Спустя год Сенковский ядовито уточнял: «С самого начала существования этого журнала, как то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам О.И. Сенковский <...> Те, которые носили звание редакторов “Библиотеки для чтения” <...> слишком благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, в которых они не имели никакого участия. Весь круг их редакторского действия ограничивался чтением третьей, последней корректуры уже готовых, оттиснутых листов, набранных в типографии по рукописям, которые никогда не сообщались им предварительно» (Там же. 1836. Т. 17. С. 23–24 (6-й пагинации)).

¹⁷⁷ *КВС*. С. 300.

¹⁷⁸ В 1840 г. в результате денежной реформы ассигнационный рубль был упразднен, и все расчеты переведены на серебро.

¹⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 542. № 510.

¹⁸⁰ Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. 2. СПб., 1827. № 1592. С. 1036.

¹⁸¹ Сб. 1869. С. 43–44.

¹⁸² Дата 2 февраля 1781 г. содержалась в формулярном списке Крылова с момента поступления его в Публичную библиотеку. Между тем существуют документы, свидетельствующие о том, что его служба началась в 1777 г. (см. выше в сноске 7).

¹⁸³ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. № 25. Л. 51. Финальная сумма несколько изменилась по сравнению с расчетом Оленина вследствие округления долей копеек.

¹⁸⁴ К.С. Савельев был произведен в гражданский чин XIII класса только в ноябре 1843 г. Тогда же он занял должность аудитора при Штабе Главного начальника военно-учебных заведений (Гос. архив Тверской обл. Ф. 645. Оп. 1. № 3600. Л. 4 об.).

¹⁸⁵ См. письмо М.Е. Лобанова к В.А. Олениной, написанное вскоре после смерти Крылова и полное откровенного презрения к его родным: *Смирнов-Сокольский Н.* Нави Вольтер // Смирнов-Сокольский Ник. Рассказы о книгах. М., 1983. С. 180.

¹⁸⁶ Утвержденный 29 февраля 1832 г. штат Штаба управления Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка см.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. 7. СПб., 1832. № 5198. Штаты и табели. С. 33.

¹⁸⁷ КВС. С. 231.

¹⁸⁸ Племянником Мартынову доводился давний коллега Крылова по Публичной библиотеке писатель М.Н. Загоскин. Другой его племянник Н.С. Мартынов стал известен после того, как в 1841 г. застрелил на дуэли М.Ю. Лермонтова. Подробнее о самом С.М. Мартынове см.: *Мачульский Е.* К истории лермонтовского «Маскарада» // Московский журнал. 2004. № 10.

¹⁸⁹ О Т.Ф. Никольском см.: *Котович Ал.* Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909. С. 229, 407–410 и др.

¹⁹⁰ Цит. по: *Кеневич В.Ф.* Указ. соч. С. 320. Письмо 1844 г. При публикации текста была допущена опечатка: вместо «5 августа» следует читать «5 апреля», так как в этом году Пасха приходилась на 26 марта.

¹⁹¹ Добавив к восьми книгам басен, которые с 1830 по 1840 г. издавал Смирдин, одиннадцать басен, написанных с конца 1832 по начало 1834 г., Крылов создал ставшее классическим девятикнижие.

¹⁹² Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России. [Тетр.] II. СПб., 1841. С. 6 (1-й пагинации).

¹⁹³ *Жизневский А.К.* Указ. соч. С. 11 (сведения из расходной книги Крылова за 1840–1844 гг.).

¹⁹⁴ См.: *Крылов И.А.* Басни. С. 296. Рекламное объявление о поступлении этой книги в магазины см.: Северная пчела. 1843. 15 декабря. № 282. С. 1128 (цена – полтора рубля).

¹⁹⁵ См.: *Смирнов-Сокольский Н.* Необыкновенные книги // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 1004–1005.

¹⁹⁶ Приведенная П.А. Плетневым цифра – «более тысячи особ» (*КВС*. С. 233) – представляется преувеличенной.

¹⁹⁷ *Жизневский А.К.* Указ. соч. С. 10.

¹⁹⁸ *КВС*. С. 89.

¹⁹⁹ *Моренец Н.* Новые материалы для биографии И.А. Крылова (Правда о кончине Крылова) // *Русская литература*. 1967. № 1. С. 143–144. Дом сохранился в перестроенном виде; современный адрес – ул. Блохина, 31.

²⁰⁰ Там же. Усадьба была куплена у наследников протоиерея М.Б. Каменского (см.: *Привалов В.* Улицы Петроградской стороны. Дома и люди. М., 2013. С. 211).

²⁰¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. № 8651. Л. 3.

²⁰² ОР РНБ. Ф. 397. № 51. Л. 3.

²⁰³ В соответствии с § 136 Цензурного устава 1828 г. законные наследники сочинителя пользовались «исключительным правом издания и продажи его произведений <...> в продолжении 25 лет со дня его смерти».

²⁰⁴ Цит. по: *Эйдельман Н.* «Как мыши кота хоронили...» Из архивных новелл // *Нева*. 1981. № 12. С. 205.

²⁰⁵ Там же. С. 206.

²⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 397. № 52. Л. 1.

²⁰⁷ *КВС*. С. 251 (заметка Корфа основана на его дневниковых записях).

²⁰⁸ Этот образ, сложившийся во французской культуре к середине XVIII в. и закрепленный обобщающими историко-литературными трудами (Ш. Батте, Ж.-Ф. де Лагарпа и др.), был в последней четверти XVIII в. прочно усвоен в России.

²⁰⁹ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 1.

²¹⁰ *КВС*. С. 209.

²¹¹ Там же. С. 174 (приписка 1876 г. к статье «О жизни и сочинениях И.И. Дмитриева»).

²¹² *КВС*. С. 249.